

ГЛАВА V. МИСТЕРИИ

Мистерии – праздник посвященных в таинства

Каждый гражданин греческого государства мог стать деятельным участником большинства праздников, а наблюдать за праздничными церемониями не возбранялось никому. Но определенную группу праздников справляли только посвященные в таинства, и лишь им позволялось видеть действия на торжествах, называвшихся мистериями и оргиями. Наименование мистерий, произведенное от глагола *μύειν* (закрывать, смыкать), указывает на тайный характер ритуалов, о которых запрещалось рассказывать непосвященным¹. Слово оргия, родственное слову *ἔργον* (дело), сначала означало только совершение определенного священнодействия, а затем получило смысл праздничного действия, участники которого приходили в состояние возбуждения и экстаза.

Мистерии и оргии сопровождали культы разных богов, чаще всего Диониса, Деметры и Керы, а также Матери богов или Кибелы². Эллины почитали за счастье приобщение к мистериям; об этом пел хор в трагедии Еврипида «Вакханки» (ст. 72–74). Геродот (IV, 78) описал находившихся в состоянии экстаза поклонников Диониса, шествовавших по улицам Ольвии. Страбон, подтверждая свой рассказ стихами Пиндара и Еврипида, говорил о схожести обрядов на праздниках Кибелы и Диониса. Их сопровождали шествия и буйные пляски под звуки аулосов, «шум трещоток, звон кимвалов, гром тимпанов, крики одобрения, ликования, топот ног» (Strab. X, 3, 13; С. 469).

В состоянии экстаза, особенно во время ночной части празднеств при свете факелов, мисты приходили в неистовство и преступали обычные нормы поведения. Распушенность нравов во время мистерий упоминается в комедиях Менандра «Суд» (ст. 315–321) и Плавта «Клад» (ст. 36), а безумное поведение вакханок, поклонниц Диониса, отразилось в

¹ В единственном числе слово *μυστήριον* имело значение тайна (Plat. Theaet. 156 a), а во множественном *μυστήρια* – празднество, доступное посвященным в него, которых называли мистами.

² В этом разделе рассмотрены все известные в Северном Причерноморье мистерии, за исключением относящихся к Дионису, потому что они включены в главу о дионисийских празднествах.

Глава V. Мастерии

античной литературе их постоянным определением «неистовствующие». На эту сторону мистерий особенно настойчиво указывали христианские авторы, критикуя язычество. Сами греки и римляне осуждали грубость и распущенность, сопровождавшие некоторые мистерии, и пытались бороться с такими обрядами даже с помощью законов (Cic. De leg. II, 36).

Празднование разных мистерий имело некоторые общие черты. На основных церемониях имели право присутствовать только посвященные. В отличие от прочих празднеств, проходивших под открытым небом, главный ритуал посвящения в мистерии совершался в специально построенных помещениях. Сейчас их вид и размеры известны по раскопкам в Элевсине и на острове Самофракия¹. Плутарх, многое знавший о ритуалах мистерий, рассказал, что они начинались со странствования посвящаемых во мраке, затем следовало переживание чего-то ужасного перед самым обрядом посвящения, а после него наступало блаженство: все озарялось чудесным светом, раскрывался мирный прекрасный пейзаж, слышались песнопения, появлялись хороводы и представляли какие-то замечательные явления (Plut. De anim. Fr. 6, 2).

Главные составные части мистерий состояли из трех элементов: δρόμενα, λεγόμενα, δεινόμενα, то есть из действий, для которых требовалось знание соответствующих мифов, из нечто рассказанного и из демонстрации священных предметов и символов (Plut. Mor. 352 c). В результате, как писал Диодор Сицилийский (V, 49, 6), посвященные в мистерии становятся лучше в нравственном смысле. Телесные очищения, необходимые при совершении любых мистерий, рассматривались в качестве символа требования нравственной чистоты посвященных в таинства².

В основе праздника лежал священный миф о рождении жизни, смерти и воскресении божества. На сюжет этого мифа перед мистами разыгрывались мимико-драматические представления с песнями и танцами, имевшими символический и аллегорический смысл. Посвященным давали лицезреть священные символы и вкушать священную пищу. Приобщение к таинствам происходило постепенно. Сначала претенденты подвергались предварительному очищению, затем приступали к первой ступени посвящения. Высшей же ступени

¹ Mylonas G.E. Eleusis and the Eleusinian Mysteries. Princheton, 1961; Lehmann K. Samothrace. A Guide to the Excavations and the Museum. New-York, 1953.

² Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 196.

достигали не все мисты; она включала полное созерцание божества, которое, как считали, доставляло величайшее блаженство, поэтому таких мистов называли эпоптами – созерцателями.

Одни и те же ритуалы получали у посвященных разного уровня различные толкования; с повышением ступени посвящения все сложнее и символичнее становилось понимание увиденного на таинствах. Это хорошо иллюстрируется в трактате Плутарха «Об Осирисе и Исиде» (Plut. Mor. 304–383), в котором рассказано о египетских мистериях. Греки отождествляли своих богов с местными, а философы пришли к заключению, что «нет ни варварских и эллинских, ни южных и северных богов, но как Солнце, Луна, небо, земля и море являются общими для всех и только называются у разных людей по-разному, так для единого все созидающего Разума, и для единого всем распоряжающегося Промысла, и для благотворных во всем распространенных сил у разных народов в соответствии с их обычаями существуют разные почести и названия» (Plut. De Osir. 67. Перевод Н. Трухиной).

На первой ступени посвящения Осирис отождествлялся с Нилом, Исида с плодородной землей, Тифон – с засухой. Потом Исида и Осирис символизировали основополагающие принципы плодородия и упорядоченности, а Тифон – энергию дисгармонии и разрушительности. Затем Осирис и Тифон олицетворяли мировые начала Добра и Зла, а на последней ступени Осирис означал сверхчувствительный творческий логос, Исида – тяготеющую к нему теорию¹.

О том, как проходили мистерии, известно немного, потому что мисты давали клятву не разглашать поверенные им тайны и не рассказывать об обрядах. Непосвященным запрещалось даже знать имена многих богов, которым поклонялись во время мистерий (Strab. X, 3, 21; С. 473). За разглашение тайн мистерий строго наказывали, обрекая даже на смертную казнь. Выразительный пример такого рода известен по рассказам о Диагоре Мелосском, прозванном Безбожником (Cic. De nat. Deor. I, 2, 63; III, 37, 89). Он учился у Демокрита и во второй половине V в. до н. э. долго жил в Афинах. В молодости Диагор был верующим человеком, принял посвящения в Элевсинские, Самофракийские и другие мистерии, писал гимны и дифирамбы богам. После того, как его предал самый верный друг и не понес за это кары от богов, Диагор разуверился в существовании божеств, принялся осмеивать веру в них и разглашать в своих сочинениях доверенные ему тайны мистических культов. Афинский суд приговорил Диагора к смерти, назначив награду за

¹ Трухина Н. Вступительная статья к трактату Плутарха «Об Осирисе и Исиде» // ВДИ. 1977. № 3. С. 248.

его голову, а труды безбожника распорядился сжечь. Диагору пришлось бежать в Коринф, где он, вероятно, и умер в конце V в. до н. э.

Рассказы о Диагоре показывают, что в античности посвящение в одни мистерии не исключало участия в других. Павсаний (IV, 1, 7) сообщает, что живший в IV в. до н. э. афинянин Метап слыл «знатоком разных таинств и всяческих оргастических служений»; он участвовал в усовершенствовании таинств по элевсинскому и самофракийскому образцу в Мессене и Фивах.

Некоторые мистерии совершались небольшим кругом посвященных, войти в который могли лица, отвечавшие строго определенным требованиям, например, представители определенных родов, или граждане только одного государства, или исключительно мужчины, либо одни женщины. Наряду с замкнутыми существовали широко доступные мистерии для граждан и гражданок любых греческих полисов, а иногда и для неполноправных членов общества. К таким мистериям принадлежали самые известные в античном мире празднества – Элевсинские и Самофракийские (Ael. Aristid. Panath. 189). Во время первых чествовали Деметру и ее дочь Кору, во время вторых – Кабиров и других божеств, которых объединяли названием самофракийских. Жители Северного Причерноморья, как будет показано ниже, приобщались к этим мистериям.

Элевсинские мистерии – панэллинский праздник

Элевсинские мистерии выросли из древнего земледельческого культа, восходящего к микенской эпохе. Главным содержанием мистерий был миф о богине плодородия Деметре и ее дочери Коре, которую похитил бог подземного царства и против воли сделал своей женой¹. Эта супружеская пара имела у греков по два имени: бога называли Аидом и Плутоном, его супругу – Корой и Персефоной. Все четыре имени использовал боспорский поэт, сочиняя эпитафию для надгробия

¹ Об Элевсинских мистериях существует огромная научная литература. Назовем лишь несколько основных работ, в которых отражено современное состояние исследования элевсинских культов и раскопок святилища; *Лауэнштайн Д.* Элевсинские мистерии. М., 1996; *Нильссон М.* Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 58–88; *Сергеева С.Н.* Элевсинские мистерии. К проблеме мистерияльных культов в античном обществе. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. СПб., 1998; *Кереньи К.* Элевсин. Архетипический образ матери и дочери. М., 2000; *Mylonas G.E.* Eleusis and Eleusinian Mysteries. Princheton, 1961; *Parke H.W.* Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 55–72; *Clinton K.* Myth and Kult: The Iconography of the Eleusinian Mysteries. Stockholm, 1992.

Феофилы, безвременно умершей на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. (КБН. 130). Однако в надписях, касающихся Элевсинских мистерий, говорится лишь о Плутоне и Коре¹, поэтому в этом разделе будут употребляться только эти имена.

Содержание элевсинского мифа подробнее всего изложено в пятом гомеровском гимне, обращенном к Деметре. Аполлодор (Bibl. I, 5) записал миф более сжато и с существенными отличиями в деталях, а у многих античных писателей кратко упоминаются отдельные эпизоды мифа с расчетом на то, что его сюжет всем знаком.

Греки рассказывали, что Кора вместе с подругами собирала на лугу цветы. Внезапно земля разверзлась, и Плутон появился на колеснице. Он схватил Кору и быстро умчал, так что никто не мог сказать, куда она исчезла. Деметра искала дочь днем и ночью, освещая дорогу факелом. В образе старухи она странствовала по миру, пока не пришла в Элевсин. Здесь Деметра нашла приют в доме местного царя и стала нянчить его маленького сына. Погруженная в свое горе богиня плодородия перестала заботиться о растениях, все вокруг увяло, люди и животные стали голодать. Тогда Зевс распорядился вернуть матери Кору, но обязал ее одну треть года проводить с супругом в его подземном царстве. Поэтому Деметра каждый год грустит в разлуке с дочерью, и тогда жизнь растений зимой замирает.

Существует иное мнение о времени года, отведенного для пребывания Кору у Плутона. Кора, в переводе с греческого – Дева, вероятно, олицетворяла зерно. В Греции оно хранилось в подземных погребах после июньского обмолота урожая до нового сева в октябре. Дева-Зерно сходила в июне в подземное царство и выходила оттуда через четыре месяца, когда открывали погреба и доставали зерно для нового посева. А перед ним праздновали мистерии, прославлявшие возвращение Девы-Зерна и ее соединение с Матерью Зерном².

Покидая Элевсин, Деметра, по верованиям эллинов, повелела выстроить там храм и показала, как справлять мистерии, посвященные ей и Коре. Богиня приобщила к тайнствам нескольких элевсинских граждан. Среди них были Эвмолп (в некоторых вариантах мифа он стал элевсинским царем) и Керик; с тех пор высшие жреческие должности на мистериях могли занимать только их потомки. Деметра особо отличила Триптолема, также вошедшего в круг первых посвященных. Богиня подарила ему колосья пшеницы и колесницу, запряженную крылатыми

¹ Clinton K. Sanctuary of Demeter and Kora at Eleysis // Greek Sanctuaries. New Approaches. London–New–York, 1993. P. 113.

² Нильссон М. Указ. соч. С. 71–72.

змеями, и велела объезжать разные земли, обучая людей земледелию. В одном варианте мифа, использованном Овидием в «Метаморфозах» (V, 645–662), рассказывалось, что среди стран, которые посетил Триптолем, была Скифия. Поэтому поселившиеся там эллины могли считать, что они и их соседи получают хлеб из зерна, происходящего от первого посева, совершенного здесь Триптолемом.

Во время Элевсинских мистерий посвящаемым разъясняли смысл жизни и смерти. Мисты символически отождествлялись с новыми зернами, выросшими в результате посева и гибели старых; возрождение зерна в новом урожае указывало на возможность воскресения после смерти и существования в ином духовном обличье в потустороннем мире.

Небольшой город Элевсин, лежавший на расстоянии 22 км от Афин (рис. 26), вошел в состав Афинского государства в VI в. до н. э., и вскоре мистерии, издавна совершавшиеся в местном святилище, завоевали популярность во всей Аттике. Затем, со второй половины V в. до н. э., времени наивысшего расцвета Афин, и до конца античности Элевсинские мистерии славилась по всему древнему миру. Множество паломников ежегодно прибывали в Афины, желая приобщиться к знаменитым таинствам и провести здесь «самые светлые и радостные дни года» (Plut. Phoc. 28).

Сначала к мистериям допускали только афинских граждан и гражданок, затем это право распространилось на всех полноправных членов любого греческого полиса, а позже на римлян и даже на неполноправное население. Требовалось лишь формально быть усыновленным (или удочеренной) афинянином, знать греческий язык, чтобы понимать обряд, свято хранить поверенные тайны и засвидетельствовать, что жизнь посвящаемого не запятнана пороками и преступлениями.

Посвящаемые в Элевсинские мистерии были более или менее состоятельными людьми. Ведь им надлежало внести определенную сумму, шедшую на нужды святилища и его служителей. В конце IV в. до н. э. плата составляла 15 драхм, что соответствовало среднему заработку ремесленника за 10 дней¹. Для приезжих траты оказывались еще большими, так как к взносу прибавлялись собственные расходы на поездку.

Во время бесчисленных войн греки и римляне никогда не разрушали Элевсин. За свою многовековую историю святилище пострадало лишь дважды: в 480 г. до н. э. при нашествии персов и в 166 г. н. э. при нападении костобоков. В 396 г. вестготский король Аларих разорил Элевсин, и тогда перестали совершаться мистерии, вызывавшие протест у адептов все шире распространявшегося христианства. Однако некоторые исследова-

¹ Parke H.W. Festivals of the Athenians. London, 1986. P. 61.

дователи полагают, что в христианских обрядах многое заимствовано у элевсинских, и до сих пор в современной литургии «течет элевсинская кровь»¹.

Античные авторы неоднократно восторженно писали об Элевсинских мистериях. Пиндар (fr. 115) и Софокл (fr. 719 Dindorf) называли посвященных счастливыми в этой, а главное – в загробной жизни. Ведь считалось, что в потустороннем мире всех ждут мучения и страдания, и лишь посвященные в таинства получают там блаженное существование (Soph. Fr. 719; Plat. Phaed. 69). Элий Аристид в «Элевсинской речи» (XXII, 2) именовал Элевсин святыней всей земли и самым блистательным из святилищ. Цицерон в диалоге «О законах» (II, 36) утверждал, что из всего исключительно ценного, созданного Афинами, самое лучшее – Элевсинские мистерии; благодаря им, люди, по природе дикие и жестокие, перевоспитываются в духе человечности и мягкости, познают основы жизни и учатся жить с радостью и умирать с надеждой на лучшее.

Элевсинии неразрывно связаны с культом плодородия и с образами умирающей и воскресающей растительности. Ранней весной перед посевом в Антестерионе (февраль-март) в аттической области Агры праздновали Малые мистерии, посвященные Персефоне (Orig. Contr. haer. V, 165). На празднике совершалось посвящение, необходимое для дальнейшего приобщения к Элевсинским таинствам. Участники мистерий назывались мистами, а новообращенные неофитами, что буквально означает «только что посаженный» (плод, семя, злак). Неофит малых мистерий мог стать элевсинским мистом не раньше, чем на следующий год, то есть по истечении 18 месяцев.

По некоторым сведениям, число посвящаемых в таинства во время расцвета Элевсинских мистерий составляло от 500 до 3000 человек. Последняя цифра относится к римскому времени. Особенно много желающих принять посвящение съезжалось каждый четвертый год, когда празднества справлялись с особой пышностью².

За 55 дней до Малых и Великих Элевсинских мистерий эллины объявляли священное перемирие для того, чтобы всем дать возможность вовремя и безопасно прибыть в Атику (SIG. I, 1)³. Такие перемирия сопровождали любому панэллинскому празднеству, но их неоднократно нарушали. Лишь элевсинское перемирие, по словам Элия Аристида,

¹ Лауэнштайн Д. Указ. соч. С. 27.

² Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 204; Лауэнштайн Д. Указ. соч. С. 191.

³ Латышев В.В. Указ. соч. С. 204

соблюдалось неукоснительно, и «только во время Элевсиний вся Эллада наслаждалась здоровьем» (Ael. Aristid. XXII, 7).

Ежегодное празднование Элевсиний в месяце Боедромионе приходилось на конец нашего сентября – начало октября и длилось 10–12 дней. Праздник разделялся на две части; он начинался в Афинах, затем торжественное шествие направлялось в Элевсин, и там главная часть мистерий совершалась в святилище.

Церемонии в Афинах и движение процессии в Элевсин не относились к числу тайных, и потому начальные дни праздника более или менее подробно описаны у античных авторов. Основная же часть мистерий известна в самых общих чертах, потому что мисты давали обет хранить в тайне все, что видели и слышали в Элевсинском святилище. О таинствах сейчас можно составить некоторое представление из тенденциозных рассказов раннехристианских авторов, а также по изображениям на вазах и рельефах и по руинам, раскопаным в Элевсине.

Г. Милонас, много лет проводивший археологические исследования в Элевсине и читавший у древних авторов все, что касалось Элевсинских мистерий, писал: «Много ночей я стоял на ступенях Телестериона (зала посвящений), купаясь в волшебном-серебряном сиянии луны, и надеялся услышать голос посвященных, надеялся, что человеческая душа все же сумеет уловить искорку сокрытого от рассудка. Увы! Древность упорно хранит свою тайну. Элевсинские мистерии разгадать невозможно»¹.

Противоположной точки зрения придерживается Д. Лауэнштайн. В монографии «Элевсинские мистерии» он подробно описал все, что якобы происходило перед глазами мистов, а также истолковал смысл священных гимнов и драматических представлений. Отдавая должное многим его интересным догадкам, следует сказать, что исследователь излишне увлекся собственными домыслами, с которыми во многих случаях трудно согласиться; ряд текстов древних писателей, на которые опирается Д. Лауэнштайн, вряд ли имеют хоть какое-то отношение к Элевсинским мистериям.

Суммируя изыскания современных ученых, можно кратко следующим образом описать порядок празднования Элевсинских мистерий, не затрагивая сокровенной сущности их ритуалов².

¹ *Mylonas G.E.* Op. cit. P. 231.

² Работы, на основании которых выполнено нижеследующее описание Элевсинских мистерий, перечислены в прим. 1 на с. 75. Отмечу, что сообщения античных авторов неясно определяют последовательность некоторых ритуалов празднества, поэтому их порядок сейчас устанавливается по-разному. В этом вопросе я придерживаюсь мнений В. Парке и К. Клинтона.

За два дня до праздника конный отряд афинских эфебов (юношей, проходивших военную подготовку) направлялся в Элевсин. Жрецы и жрицы выходили из святилища, неся с собой священные предметы, сложенные в особые круглые коробки-кисты, перевязанные пурпурными лентами. Вместе с кистами, навверное, выносили также одну или несколько священных статуй элевсинских богов. Жрецы погружались в повозку, и эфебы сопровождали их в Афины. Они прибывали туда 14 Боздромиона и помещали священные предметы в Элевсинион, храм Деметры у подножия Акрополя.

Пятнадцатое число, первый день праздника, должно было приходиться на полнолуние. На агоре в Пестрой стое, расписанной картинами знаменитых художников (Paus. I, 15), архонт-басилевс, верховный жрец Афин, принимал иерофанта и дадуха, двух главных элевсинских жрецов, и давал им разрешение пригласить народ на праздник Элевсинских мистерий. Глашатай из рода Кериков призывал мужчин и женщин, желающих принять посвящение, публично назвать свои имена. Тогда любой мог опротестовать включение в кандидаты недостойных лиц. Глашатай напоминал, что все кандидаты должны знать греческий язык, не быть причастными к преступлениям, не иметь судимости и быть старше 19 лет.

Предварительно кандидаты в мисты подавали в афинский Элевсинион письменное прошение. Жрецы сверяли их имена по афинскому списку граждан (напомним, что иногородние должны были быть усыновлены местными гражданами), по судебной книге и, наконец, по перечню элевсинских мистов. Ведь считалось полезным принять посвящение по меньшей мере дважды, чтобы перейти от низшей к высшей ступени познания таинств и стать «эпоптом» (созерцателем). Из последних выделялись мистагоги, которые руководили неофитами во время мистерий.

В первый день праздника кандидаты узнавали, допущены ли они к таинствам. Получив положительный ответ, они вносили заранее определенную сумму денег и совершали положенные жертвоприношения. Если выяснялось, что кто-то, не внесенный в список неофитов, даже случайно увидел какую-то часть таинств, его за это казнили (Liv. XXXI, 41).

Во время мистерий рядовые участники надевали черные одежды, символизирующие скорбь Деметры. Во II в. н. э. цвет одежд изменился на белый по желанию императора Марка Аврелия. Он дошел до высшей ступени посвящения в мистерии и много сделал для Элевсинского святилища после его разорения костобочками в 166 г. Белый цвет одежд соответствовал настроению заключительной радостной части праздника, на которой тогда делался особый акцент. Среди однообразно одетых

мистов главные жрецы и жрицы выделялись своим нарядным костюмом. Иерофант одевался в роскошное пурпурное облачение, украшенное узорами, а на голову возлагал миртовый венок. Длинные волосы второго по значению жреца-дадуха (факелоносца) обвязывались нарядной лентой (Lys. VI, 51; Plut. Alcib. 22; Athen. I, 21). Этот жрец, по крайней мере, в классический период, носил длинные волосы и особый костюм не только во время мистерий; поэтому, как писал Геродот, персы, увидев дадуха среди сражающихся, приняли его за царя.

Утром 16-го раздавался клич: «Мисты, к морю!» (Hesych. s. v. halade mystai), и каждый, взяв живого поросенка, отправлялся на берег Фалерского залива. Там мисты омывались в море и купали поросят. Затем этих животных, символизировавших плодородие, приносили в жертву Деметре в афинском храме элевсинских богинь.

17-го числа в Пестром портике мистам разъясняли заповеди первосвященника Триптолема; в них, в частности, говорилось, что до окончания мистерий нельзя убивать животных и есть мясо, в жертвы же следует приносить лишь плоды и зерна. В этот день, начиная с 420 г. до н. э., справлялся праздник Эпидаврии в честь бога Асклепия – великого целителя и утешителя в болезнях и несчастьях. Согласно преданию, Асклепий прибыл в Афины из Эпидавра, где находилось его знаменитое святилище¹, и принял посвящение в Элевсинские мистерии.

Может быть, 17-го Боздромиона опоздавшие приезжие еще могли войти в число кандидатов в мисты. Следующие два дня готовилась праздничная процессия в Элевсин. 19-го эфебы сопровождали жрецов, доставлявших обратно в Элевсинское святилище то, что они привозили в афинский Элевсион.

20-го Боздромиона из Дипилонских ворот в Элевсин выступала торжественная процессия (рис. 26). Мисты шли по священной дороге, красочно описанной Павсанием (I, 39). К шествию присоединялось множество любопытных, которым это не возбраняли. Впереди в сопровождении жрецов двигалась увенчанная миртом статуя Иакха, ее нес мист, называемый иакхагогом. Остальные мисты постоянно выкрикивали имя этого божества; их головы украшали миртовые венки, и на плечи они опирали большие связки мирта, обвязанные шерстяными лентами. Процессия двигалась размеренно и неоднократно останавливалась у храмов и алтарей для совершения предписанных ритуалов. Недалеко от Элевсина, переходя по мосту через приток реки Кефис, мисты перебра-

¹ Археологи обнаружили в святилище Эпидавра остатки великолепного храма IV в. до н. э., а также фундаменты круглого здания Толоса и большой театр, прекрасно сохранившийся до наших дней.

сывались шутками вольного содержания; они так и назывались «мостовыми шутками» (*Hesych. s. v. gephyrismoí*). Шествие завершалось в Элевсине вечером при свете факелов. И в следующие дни факелы играли заметную роль при совершении таинств.

День 21-го отводился отдыху, а тайные ритуалы начинались вечером и длились до 23-го числа. Сначала юноши и девушки из старинных элевсинских родов танцевали и пели печальные песни, создавая мистам нужное настроение. Мисты рассаживались на каменных ступенях квадратного зала посвящений в здании, называвшемся Телестерионом. В V в. до н. э. его решили значительно расширить и поручили перестройку знаменитому архитектору Иктину, создателю Парфенона (*Strab. IX, 1, 12; С. 395*). Восемь рядов сидений располагались по всем четырем сторонам огромного зала размером 54 x 54 м.; верхняя часть постройки была беломраморной, а нижняя – из сине-черного элевсинского камня¹.

Зрители смотрели представление о странствованиях Деметры в поисках Коры. В сумраке раздавались вопли богинь, и им вторили сопереживавшие мисты (*Aristid. XIX, 422; Procl. Comm. Plat. Rep. I, 125, 20*). Заключительное представление, наоборот, окрашивалось радостью: Кора возвращалась к Деметре, и богиня отправляла Триптолема учить людей земледелию. В какой-то момент появлялись божественные мисты Геракл и Дионис, а также разыгрывалась драма на тему священного брака Деметры и рождения ребенка, наверное, Плутона (*Hippol. Ref. V, 9*).

Наибольшей тайной окутаны для нас главные обряды мистерий, относящиеся к категории созерцания. Известно лишь, что мистам что-то говорилось, при этом нечто делалось и демонстрировались какие-то предметы. Избранный пожизненно верховный жрец именовался иерофантом, то есть показывающим святыни. Его главная обязанность состояла в предоставлении мистам возможности созерцать тайные предметы. Наверное, тогда жрец пел или говорил нараспев; ведь он обязательно принадлежал к роду Эвмолпидов, а имя его родоначальника Эвмолп означает «прекрасно поющий»².

29-го Боздромиона, в последний день праздника, совершался обряд племохой (*Athen. XI, 496*). Жрецы выливали воду в устроенное в земле отверстие из двух особых глиняных сосудов, называвшихся племохоями, из одного сосуда вода лилась на запад, из другого – на восток. Обряд сопровождался произнесением таинственных заклинаний; возможно, в них входили слова «орошай и зачинай», упомянутые в связи с мистериями в комментарии Прокла к диалогу Платона Тимей (V, 239 с).

¹ *Виппер Б.Р.* Искусство древней Греции. М., 1972. С. 215.

² *Нильссон М.* Указ. соч. С. 59–60.

Глава V. Мастерии

Элевсинская часть праздника раз в два года оканчивалась малыми, а раз в четыре года большими атлетическими, конными и музыкальными состязаниями, длившимися, по-видимому, четыре дня¹. Пиндар (Ол. IX, 98–99), перечисляя игры, на которых Эфармост Опунтский завоевывал призы в борьбе, назвал состязания в Элевсине. Они, по свидетельству Паросской хроники, считались учрежденными ранее Панафинейских. Элевсинские победители получали в награду пшеницу, выросшую на священном Рарийском поле, которое, по преданию, впервые засеял Триптолем².

Многие столетия обряды Элевсинских празднеств старались тщательно исполнять по древнейшим образцам, но все же мистерии претерпевали изменения. Как уже упоминалось, в V в. до н. э. в праздник включили чествование Асклепия и причислили его к элевсинским мистам; в IV в. до н. э. Дионис стал играть выдающуюся роль среди элевсинских божеств; во II в. н. э. изменился цвет одежды мистов, и, наверное, больше внимания стало уделяться заключительной радостной части мистерий. Безусловно, происходили и существенные изменения в толковании элевсинских тайных символов, и каждое новое поколение интерпретировало их в соответствии со своим мироощущением.

Участие жителей Северного Причерноморья в Элевсинских таинствах

До сих пор ученые в основном писали о влиянии элевсинского культа на религию Боспора и Ольвии³ и лишь кратко упоминали, что некоторые жители Северного Причерноморья, вероятно, были посвящены в Элевсинские мистерии⁴. Мы же сосредоточим внимание на том, чтобы показать, как памятники изобразительного искусства и некоторые

¹ Латышев В.В. Указ. соч. С. 209.

² Новосадский Н.И. Элевсинские мистерии. СПб., 1887. С. 138.

³ Стефани Л. Объяснения некоторых вещей, найденных в 1868 году в Южной России // ОАК 1869. С. 12, 18; Ростовцев М.М. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 372; Передольская А.А. Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. 1962. Т. 7. С. 46–92; Сапрыкин С.Ю. Культ Деметры в Боспорском царстве в VI–IV вв. до н. э. // Из истории античного общества. Горький, 1983. С. 62, 66, 68; Масленников А.А. Две терракоты из Крымского Приазовья // Античный мир. Византия. Харьков, 1997. С. 134–135; Русяева А.С. Элевсинский аспект культа Деметры в Боспорском царстве // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы Вторых боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 122–127.

⁴ Передольская А.А. Указ. соч. С. 83; Русяева А.С. Указ. соч. 1992. С. 128.

надписи свидетельствуют о посвящении в Элевсинские таинства греков, населявших северные берега Понта Евксинского.

С последней трети V в. до н. э. можно уверенно говорить о связях античных городов Северного Причерноморья с Элевсинским святилищем. Сохранился декрет 418 г. до н. э., в котором афиняне призывали своих союзников и прочих эллинов присылать в Элевсин десятину урожая, заявляя, что об этом пророчествовал Дельфийский оракул (Syll.³ I, 83). От исполнения этого предписания не следовало уклоняться северопричерноморским городам, входившим в число афинских союзников. Это были Нимфей, Ольвия, возможно, Тира, Никоний и некоторые другие¹. Обычай посылать в Элевсин плоды первого урожая из разных греческих государств сохранялся много столетий после распада Афинского морского союза, о чем упоминал Элий Аристид (XXII, 4), прославленный оратор II в. н. э.

Исократ в «Панегирике», написанном в 380 г. до н. э., утверждал, что большинство эллинских полисов доставляет в Элевсин часть урожая, а тех, кто уклоняется от этого, Пифия неоднократно призывала вносить свою долю жатвы (Isocr. IV, 31). Надо полагать, что в IV–III вв. до н. э., когда дружественные отношения Афин и Боспора переживали свой наивысший расцвет, боспоряне неуклонно выполняли требование дельфийского оракула.

Афины оказывали влияние на многие стороны политической, экономической, культурной и религиозной жизни всех городов в Северном Причерноморье². Письменные и эпиграфические источники свидетельствуют, что в IV–III вв. до н. э. многие ольвиополиты и боспоряне посещали Афины, а некоторые жили там продолжительное время даже с семьями³. Боспорские цари и купцы имели постоянных представителей в Афинах, здесь учились молодые люди, желавшие получить образование в лучших риторских или философских школах, а также находили приют политические изгнанники (Isocr. XVII, 5; Dem. XXXIV, 37; Diog.

¹ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 105; Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 45; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 133.

² Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н. э. М., 1963.

³ См. упоминание о семье боспорянина Лампида в речи Демосфена «Против Формиона» (XXXIV, 37); о том же свидетельствуют найденные в Афинах надгробия незамужних дочерей боспорян (MIS. 60, 61, 64).

Laert. IV, 47)¹. Все они наблюдали разные афинские празднества и имели возможность стать элевсинскими мистами.

В эллинистическую и римскую эпохи разные правители стремились приобщиться к Элевсинским мистериям. В 304 г. до н. э. афинян потрясло требование македонского царя Деметрия Полиоркета совершить его посвящение сразу же от низшей ступени до высшей, что, согласно священным законам, занимало более года (Plut. Demetr. 26). Многие римские императоры, начиная с Августа, принимали посвящение в Элевсине². Вероятно, в числе посвященных были и боспорские цари. К такому заключению можно придти на основании двух надписей II и III вв. н. э. В них цари Реметалк Второй и Третий названы ведущими свой род от Геракла и Эвмолпа, сына Посейдона (КБН. 53, 980).

Эвмолп, один из главных персонажей Элевсинских таинств, предстает в изобразительном искусстве царственной фигурой, символизирующей культ мистерий³. В гомеровском гимне Деметре (IV, 475) он назван среди первых четырех элевсинских граждан, посвященных самой богиней в таинства, а Плутарх (De exil. 17) и Лукиан (Demanax, 34) написали, что Эвмолпа почитали как основателя Элевсинских мистерий. Этим объяснялось, почему верховный жрец мистерий обязательно принадлежал к роду, восходящему к Эвмолпу. Эвмолпиды, наверное, были потомками древней царской династии, ее члены некогда отправляли родовой культ, смысл которого заключался в обеспечении плодородия зерна, брошенного в землю.

У греков существовало несколько сказаний об Эвмолпе, и, как часто бывает в фольклоре, одни не согласовывались с другими. Поэтому в записях античных авторов даже упорядоченные древними писателями предания оказываются противоречивыми. Например, по версии Гигина (Fab. 46) и Аполлодора (Bibl. III, 15, 4), Эвмолп погиб на войне элевсинцев с афинянами. Павсаний же рассказывает, что убили его сына (Paus. I, 38, 3). Греки называли Эвмолпа сыном Посейдона и Хионы, дочери северного ветра Борея. Эвмолп царствовал во Фракии; вместе со своим войском он решил выступить против Афин на стороне элевсинцев. Последние потерпели поражение и по мирному договору обязались во всем подчиняться Афинам, сохранив лишь ведущее положение в мистериях. Главная роль в них оказалась у Эвмолпа. Именно он, по преданию, посвятил в мистерии Геракла и Диоскуров, первых некоренных жителей

¹ Скржинская М.В. Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // ВДИ. 2002. № 2. С. 133–143.

² Лауэнштайн Д. Указ. соч. С. 46–48.

³ Clinton K. Op. cit. 1992. P. 96.

Элевсина (Paus. I, 5, 2; 38, 3–4; II, 14, 3; Apollod. Bibl. III, 15, 4; Ael. Aristid. XXII, 4; Stob. Florid. III, 39, 33).

Анализируя надписи с упоминанием о происхождении боспорских царей от Эвмолпа, ученые акцентируют внимание на том, что боспорские правители возводили свой род к мифическому царю Фракии. Действительно, начиная с династии Спартокидов, пришедших к власти в 438 г. до н. э., немало царей носили фракийские имена, поэтому упомянутые надписи привлекаются в качестве подтверждения фракийских корней Спартокидов и династии, правившей на Боспоре в римский период¹.

Мне представляется важным подчеркнуть иные ассоциации, возникавшие у греков при имени Эвмолпа. Даже не посвященные в Элевсинские таинства знали о важной роли этого героя в мистериях. О нем говорилось в широко известном гомеровском гимне Деметре, упоминалось в разных не тайных сказаниях, поэтому его имя неоднократно встречается у мифографов (Hygin. Fab. 46, 157, 273; Apollod. Bibl. III, 15, 4) и поэтов (Theocr. XXIV, 110).

Вероятно, легендарная генеалогия боспорских царей появилась во времена расцвета связей Северного Причерноморья с Афинами в IV в. до н. э. Тогда цари Боспора участвовали в наиболее крупных афинских праздниках. Каждые четыре года они получали золотые венки на Панафинеях (МИС. 3), их имена звучали среди награжденных в театре на Великих Дионисиях (МИС. 4), их статуи и почетные декреты украшали афинскую агору, Акрополь и Пирей (МИС. 42; Dem. XX, 36; Dein. I, 43).

Трудно представить, чтобы боспорские цари, многим из которых афиняне даровали гражданство в своем государстве, не воспользовались возможностью принять участие в знаменитом на всю греческую ойкумену празднике и не приобщались к мистериям, сулившим счастье в этом, а, главное, в загробном мире. Введение в родословную героя Эвмолпа, с одной стороны, указывало на царственных фракийских предков боспорских правителей, с другой – роднило их с одним из главных героев Элевсинских таинств и со старинным родом Эвмолпидов, а также давало какие-то дополнительные привилегии на Элевсиниях. Можно высказать осторожное предположение о корнях подобной родословной. Вероятно, в классический период, когда действовало правило, чтобы посвящаемого в таинства усыновлял местный гражданин, боспорский царь таким образом породнился с Эвмолпидами. Он сделал это не случайно, пото-

¹ *Жебелев С.И.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 167; *Гайдужевич В.Ф.* Боспорское царство. М.;Л., 1949. С.56, 324; *Шелов-Коведяев Ф.В.* Указ. соч. С. 85.

му что подобным образом оказалось возможным обосновать родство со знаменитыми фракийцами и одновременно с эллинами, и даже через Эвмолпа с богом Посейдоном.

Став членами рода Эвмолпидов, боспорские цари получали право исполнять жреческие обязанности иерофанта. Возможно, они пользовались этим правом у себя на родине, становясь жрецами Деметры и Коры и справляя праздники по элевсинскому образцу. Так, например, поступал император Адриан, совершая таинства на своей вилле в Тиволи (Aug. Vict. 14, 4).

Сохранение памяти о происхождении от Эвмолпа в римское время говорит, на мой взгляд, о том, что некоторые боспорские правители первых веков нашей эры принимали посвящение в Элевсинские мистерии. Судя по именам, новая династия имела фракийские корни, и через Эвмолпа удавалось показать ее родство с древними Спартокидами. Участвуя в мистериях, цари, называвшие себя «друзьями цезарей», подражали римским императорам, многие из которых, как уже говорилось, принимали посвящения в мистерии.

Для подкрепления предложенной гипотезы напомним, что император Адриан, достигнув высшей ступени посвящения, сам совершал в Элевсине таинства как верховный жрец-иерофант, а для этого ему следовало стать членом рода Эвмолпидов. Известно также, что Люций Вер считался членом семьи Эвмолпидов, а Марк Аврелий – даже главой Кериков, второго рода, из которого дозволялось выбирать Элевсинских жрецов¹.

Две ольвийские надписи ясно указывают на знакомство местных эллинов с Элевсинскими мистериями. В V в. до н. э. некий Ксантипп принес чернолаковый килик в качестве посвященного дара в ольвийский храм Деметры. На доньшке сосуда он прочертил посвящение элевсинским богам Деметре, Персефоне и Иакху. Издатель граффито А. С. Русяева предположила, что афинянин Ксантипп решил во время пребывания в Ольвии сделать приношение элевсинским богам. Основанием для такого заключения послужило то обстоятельство, что в ольвийской ономастике имя Ксантипп встречалось до сих пор лишь один раз и принадлежало афинскому гражданину². Однако Ю. Г. Виноградов показал, что посвящение написано ионийским шрифтом и, судя по допущенным ошибкам, начертано самим посвястителем³. Следовательно, он говорил не на атти-

¹ *Лауэнштайн Д.* Указ. соч. С. 47–48.

² *Русяева А. С.* Указ. соч. 1979. С. 48.

³ *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VI–I вв. до н. э. М., 1989. С. 129–130.

ческом, а на ионийском диалекте, господствовавшем в Ольвии; поэтому, скорее всего, Ксантипп был ольвиополитом и участвовал в каких-то ритуалах, исполнявшихся по образцу элевсинских.

Другая надпись, исполненная на каменной плите во II в. до н. э. (рис. 27), гласит, что Посидей, сын Дионисия, построил (или восстановил) ольвийскую оборонительную стену и совершил посвящение триаде элевсинских богов Деметре, Коре и Плутону, а также Демосу¹. Подобные плиты устанавливались в праздничной обстановке, и при этом совершалось жертвоприношение названным в надписи богам. До сих пор не давалось объяснения, почему к знаменитой триаде элевсинских богов добавлен Демос. По моему мнению, надо учесть, что во время Элевсинских мистерий приносили жертву Афине Демократии (SIG. II, 471)², которая символизировала государство, праздновавшее мистерии. Вспоминая об этом в Ольвии, Посидей заменил Афины Демократию Демосом, олицетворявшим его родное государство. Это позволяет думать, что Посидей не только имел представление о празднике Элевсинских мистерий, но и сам был посвящен в их таинства.

Наряду с надписями некоторые памятники изобразительного искусства свидетельствуют о причастности жителей Северного Причерноморья к Элевсинским мистериям. Вообще расписные вазы и рельефы играют важнейшую роль в современных знаниях о мистериях³, которые в силу их тайного характера почти не описаны в сочинениях античных авторов.

В 1858 г. А. Е. Люценко произвел раскопки огромного Павловского кургана близ Керчи⁴. Там в деревянном саркофаге покоилась молодая женщина в парадном одеянии, ее наряд дополняли разнообразные золотые украшения. Рядом с саркофагом стояли три аттические вазы: чернолаковая ойнохойя, фигурный лекиф в виде амазонки и расписная пелика так называемого роскошного стиля с изображением многочисленных персонажей.

В «Отчете Императорской Археологической комиссии» за 1859 г. академик Л. Стефани подробно описал предметы из Павловского кургана; он уделил особое внимание пелике, определив сюжет ее росписи как иллюстрацию Элевсинских мистерий⁵. С тех пор эта ваза посто-

¹ *Лейтунська Н.О.* Новий напис з Ольвії // *Археологія*. 1990. № 3. С. 117–122.

² *Сергеева С.Н.* Указ. соч. С. 14–15.

³ *Bianchi U.* *The Greek Mysteries*. Leiden, 1976. P. 8–20; *Clinton K.* *Op. cit.* 1992.

⁴ *Люценко А.Е.* Археологические разыскания 1858 г. в окрестностях Керчи // *ОАК* 1859. СПб., 1862. С. 6–15.

⁵ *Стефани Л.* Описание вещей, открытых при археологических разысканиях 1858 г. в окрестностях Керчи // *ОАК* 1859. СПб., 1862. С. 32–118.

янно привлекает внимание исследователей¹. Ведь, несмотря на новые открытия за прошедшие полтора столетия, остается справедливым вывод Л. Стефани о том, что находка из Павловского кургана занимает ведущее место среди художественных произведений с изображением Элевсинских мистерий².

Пелика изготовлена в Афинах в середине IV в. до н. э.³ Она расписана в краснофигурной технике, многие детали были выделены теперь утраченными красками и обильной позолотой. Остатки последней сохранились на головных уборах и украшениях, на факелах и связках мирта в руках некоторых персонажей, на крыльях колесницы Триптолема и Эрота, на роге изобилия – атрибуте Плутоса. Благодаря этой пелике мастер, расписавший вазу, называется сейчас Элевсинским, и его кисти принадлежат еще несколько сосудов из раскопок в разных греческих городах⁴.

Центральную часть композиции на одной стороне пелики занимают Деметра, Кора и стоящий между ними обнаженный мальчик Плутос с рогом изобилия (рис. 28). Деметра, одетая в хитон и гиматий, изображена сидящей, ее голову венчает роскошный калаф с рельефными узорами, на шее – ожерелье, а на руке, держащей высокий посох, – браслет. Кора стоит, опираясь на невысокую колонку и придерживая рукой большой горящий факел. Она представлена полуобнаженной, плащ закрывает ее ниже пояса; голову богини украшает венок, а шею бусы. Рядом с Корой

¹ Назовем основные исследования, в которых интерпретируется сюжет росписи пелики из Павловского кургана: *Стефани Л.* Указ. соч. С. 31–35, 52–56; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 255; *Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов. Прага, 1966. С. 68. № 278; *Кереньи К.* Указ. соч. С. 176–177; *Farnell L.R.* The Cults of the Greek States. Oxford, 1907. P. 245–246; *Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertschen Vasen. Leipzig-Berlin, 1934. S. 40–42. № 368; *Beazley J.D.* Attic Red-figure Vase-painters. Oxford, 1963. P. 1476, 1; *Metzger H.* Recherches sur l'imagerie athénienne. Paris, 1965. P. 40. № 35; *Simon E.* Neue Deutung zweier eleusinischen Denkmäler der IV. Jahrh. v. Chr. // Antike Kunst. 1966. № 9. P. 72–82; *Bianchi U.* Op. cit. P. 8; *Schwarz G.* Triptolemos Ikonographie einer Agrar und Mysteriengottheit. Horn-Graz, 1987. V, 134; *Lexicon iconographicum mythologiae classicae.* Bd. 1–8. München, 1981–1997. S.v. Aphrodite 1371; Demeter 404; Dionysos 528; Eubouleus 7; Heracles 1403; Ploutos 9; *Robertson M.* The Art of Vase-Painting in Classical Athens. Cambridge, 1992. P. 283–284; *Clinton K.* Op. cit., 1992. P. 81–82.

² *Кереньи К.* Указ. соч. С. 176; *Bianchi U.* Op. cit. P. 8.

³ Ученые вслед за К. Шефолдом обычно датируют эту вазу 340–330 гг. до н. э. (UKV. № 368; *Clinton K.* Op. cit. P. 134), однако в последнее время некоторые исследователи склоняются к более ранней дате: 360–350 гг. до н. э. (*Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. СПб., 1995. С. 167).

⁴ *Schefold K.* Op. cit. S. 40–42; *Beazley J.D.* Op. cit. P. 1476, 1; *Robertson M.* Op. cit. P. 283.

сидит женщина, которую одни считают богиней Земли Геей, другие – Фемидой, третьи – Реей¹. Симметрично ей, слева от Деметры, находится Афродита со своим постоянным спутником крылатым Эротом.

За спиной Деметры стоит ее жрец в нарядном хитоне, отороченном узорами у ворота и на подоле. На голове у него веночек из листьев, а в обеих руках по горящему факелу. Это Эвбулей или Эвмолп, которые входили в число первых посвященных в Элевсинские таинства. Художник изобразил героя в облачении жреца, и поэтому можно хорошо представить, как одевались верховные жрецы во время мистерий в IV в. до н. э.²

В верхней части картины над головой Деметры парит Триптолем. С золотыми колосьями в руках он стоит на крылатой колеснице. Она неоднократно упоминается древними авторами как подарок Деметры: по ее велению, Триптолем обучал людей земледелию, объезжая страны на подаренной богиней колеснице, запряженной крылатыми драконами (Paus. VII, 18,2; Apollod. Bibl. I, 5,2; Ael. Aristid. XXII, 4; Hygin. Fab. 147). Вазописцы рисовали колесницу то с крылатыми змеями, то просто с крыльями; герой представлен в фас в редком ракурсе; он летит прямо на зрителя, в то время как почти все художники и скульпторы изображали Триптолема и его колесницу в профиль³.

Слева в верхнем ряду стоит обнаженный Геракл в миртовом венке; он нарисован с традиционным атрибутом – палицей и со связкой миртовых ветвей, которые несли мисты на элевсинских процессиях. Мирт напоминает о посвящении героя в таинства и о том, что он удостоился этого первым среди граждан не местного происхождения (Plut. Thes. 30, 33). Слева, симметрично Гераклу, изображен сидящий обнаженный Дионис в плющевом венке; он опирается на тирс – свой постоянный атрибут. Этот бог также считался посвященным в мистерии.

Вся картина повествует о посвящении в Элевсинские таинства. Здесь находятся две главные богини, которых чтили в Элевсине, первые посвященные Эвбулей, Триптолем и Геракл, а также Дионис, занявший важное положение в мистериях в тот период, когда художник расписывал пелику⁴.

¹ Simon E. Op. cit. S.30; Bianchi U. Op. cit. P. 17.

² LIMC. Bd. 4. S. 41.

³ Ср. наиболее полное собрание изображений Триптолема в цитированной выше книге Г. Шварц (прим. 1 на предыдущей странице).

⁴ Mylonas G. Eleusis et Dionysos // Ephemeris archaeologiki. 1960. P. 68–118; Metzger H. Le Dionysos des images eleusiniennes du IV siècle // Revue archéologique. 1995. Fasc. 1. P. 3–22.

Труднее истолковать значение большинства персонажей на другой стороне вазы (рис. 29). Это обобщенное изображение какого-то момента мистерий. Центральное место занимает Афина в шлеме и со щитом в руке. Над головой богини реет крылатая Ника, которую часто рисовали на краснофигурных вазах рядом с Афиной¹. Скорее всего, Афина здесь олицетворяет ведущую роль Афинского государства в праздновании мистерий², и поэтому богиня присутствует также на других вазах с иллюстрациями мистерий³. Стоит вспомнить также, что она играла определенную роль в предании о похищении Коры: в одних вариантах мифа рассказывалось, что Афина вместе с Корой собирала цветы, когда Аид похитил дочь Деметры (Hom. Hymn. V, 424; Paus. VIII, 31, 2), в других – богиня сопровождала Деметру в поисках Кору (Eur. Hel. 1309–1317).

Афина представлена на вазе в движении; своим щитом она защищает персонажей, расположенных слева: там показано рождение божественного ребенка и передача его в руки Гермеса. Вероятно, об этом написал один из отцов церкви Ипполит (Ref. V, 9), сообщив, что во время мистерий иерофант провозглашал: «Владычица родила священного ребенка, Бримо Брима, что значит: сильная родила сильного». Сейчас не совсем ясно, с какими божествами греки отождествляли мать и ребенка; скорее всего, Иакх или Плутос играл роль ребенка, а его матерью считали Деметру или Гею⁴.

По-видимому, вазописец иллюстрировал драматическую сцену, разыгрывавшуюся в Элевсинском святилище в ночь с 21 на 22 Боэдромиона. Обряд священного брака и рождения ребенка в разных вариантах известен у многих народов. Считалось, что действительный или символический брак мужчины и женщины, изображающих богов, и объявление после этого о рождении ребенка способствует плодородию почвы, животных и людей⁵. В связи с этим напомним упомянутый Гомером (Od. V, 125–128) и Гесиодом (Theog. 969–975) миф о браке Деметры и Иасиона

¹ Ср. росписи аттических кратера и пелики, найденных в пантикапейских погребениях. На кратере представлены олимпийские боги в сцене апофеоза Геракла, а на пелике – иллюстрация к началу поэмы Киприи: совещание Зевса и богов о решении начать Троянскую войну. См.: UKV. № 369; *Schefton B.* The Krater from Baksy // *The Eye of Greece.* Cambridge–London–New-Jork, 1982. P. 149–181.

² Кереньи К. Указ. соч. С.181; *Clinton K.* Op. cit. P. 80.

³ Ср., например, знаменитую эрмитажную гидрию Regina vasorum и найденный в Керчи лекиф с рельефными фигурами, о котором речь пойдет ниже; об изображении Элевсинских мистерий на Regina vasorum см.: *Clinton K.* Op. cit., 1992. P. 78.

⁴ *Bianchi U.* Op. cit. P.10; *Clinton K.* Op. cit., 1992. P. 91.

⁵ *Сергеева С.Н.* Указ. соч. С. 16.

на трижды вспаханном поле и рождении от этого брака Плутона – бога богатства.

Возвращаясь к интерпретации картины на элевсинской пелике, рассмотрим остальные фигуры. В левой части композиции помещена Кора с двумя факелами и какая-то богиня без атрибутов, а справа Зевс, сидящий на резном троне. Рядом с ним Деметра в нарядном калафе (некоторые считают эту фигуру Герой), а ниже женщина с тимпаном. Вероятно, она олицетворяет музыку, раздававшуюся во время мистерий. Ведь о тимпане пел хор в трагедии Еврипида «Елена» (ст. 1337–1349), когда излагал миф о похищении Кору, о горе Деметры и о том, как Зевс решил смягчить ее печаль, послав к ней Харит; они танцевали перед богиней, а Афродита аккомпанировала им на тимпане:

*Тогда впервые Афродитой
Тимпан гремящий поднят был;
В утеху ей, тоской убитой,
Он проявил свой страстный пыл...
И улыбнулась Мать святая.*

Перевод И. Анненского

Итак, по крайней мере уже в V в. до н. э. Афродита присутствовала в центральном мифе Элевсинских мистерий, и этим надо объяснить ее изображение на упомянутой выше первой картине пелики.

Сцена передачи ребенка Гермесу – редчайшее изображение, относящееся к сокровенным тайнам мистерий¹. Посвящение же в мистерии, изображенное на другой стороне пелики, встречается чаще, но все же не является распространенным сюжетом вазописи. Такая композиция известна на вазах разных форм, но количество персонажей на них меньше, чем на боспорской пелике. Наряду с Деметрой и Корой там обязательно присутствует Дионис, а другие фигуры варьируются. Х. Метцгер собрал 13 подобных изображений на аттических вазах, найденных в разных частях греческой ойкумены². Первое место в этом перечне занимает пелика из Павловского кургана, однако в нем отсутствует еще одна ваза из

¹ Ср. роспись краснофигурной гидрии IV в. до н. э., найденной на Родосе: среди персонажей, причастных к Элевсинским мистериям, нарисована поднимающаяся из земли богиня с рогом изобилия в руках и ребенком, сидящим на этом роге (*Bianchi U. Op. cit. P. 17. Fig. 3*).

² *Metzger H. Op. cit. P. 7–12.*

Керчи с подобным сюжетом: это лекиф, исполненный аттическим мастером в третьей четверти IV в. до н. э.¹

Лекиф украшен шестью рельефными фигурами. Он принадлежит к группе дорогих сосудов с подобным декором, которые находят при раскопках далеко не всех греческих городов, куда поступала аттическая керамика². Центральное место традиционно занимает сидящая Деметра, около нее стоит Кора с факелом; рядом с Деметрой Дионис с тирсом и сидящая Афина со щитом и копьем, а возле Кору – Триптолем с колосьями в руках, летящий на крылатой колеснице, и плохо сохранившаяся фигура молодого человека. Скорее всего, это Геракл, который так же изображен симметрично Дионису на рассмотренной выше элевсинской пелике и на других вазах с подобным сюжетом, например, на знаменитой «царице ваз» из Эрмитажа. Дионис и Геракл включались в сцены Элевсинских мистерий в качестве самых знаменитых персонажей среди посвященных в таинства³.

Сходная по сюжету роспись украшала краснофигурный кратер из Пантикапея. От сосуда уцелел лишь фрагмент с частично сохранившимися пятью фигурами: в центре Деметра и Кора с факелом, рядом с ними Плутос с рогом изобилия, Эрот и какой-то мужчина⁴. Наверное, рисунок на этом большом кратере по числу богов и героев не уступал пелике из Павловского кургана.

Таким образом, в Пантикапее найдены три вазы, расписанные на тему Элевсинских мистерий. Все они – дорогие изделия, явно исполненные по индивидуальному заказу, и поэтому их нельзя считать случайно попавшими на Боспор среди расписной керамики, массово поставлявшейся из Афин. Вероятно, боспорские обладатели этих vaz были элевсинскими мистами, потому что, по весьма вероятному предположению К. Клинтона, сосуды со сценами Элевсинских мистерий продавались лишь посвященным в таинства⁵. Они не расставлялись с

¹ Этот лекиф, хранящийся теперь в Лувре, опубликован в статье: *Zervoudaki E.A. Attische polychrome Reliefkeramik des IV Jahrhunderts v. Chr. // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Ableitung. 1968. Bd. 3. S. 16. № 9.* Изображение на этой вазе упомянуто также в работах К. Кереньи (указ. соч. С. 18) и К. Клинтона (Op. cit. P. 80).

² В наиболее полном перечне аттических vaz с рельефами собрано всего около ста экземпляров, из них пять найдено на Боспоре и ни одной в других городах Северного Причерноморья (*Zervoudaki E.A. Op. cit. .*)

³ *Clinton K. Op. cit., 1992. P. 78.*

⁴ *Боровкова В.Н. История коллекции краснофигурной керамики Керченского музея // Классическая филология на современном этапе. М., 1996. С. 319.*

⁵ *Clinton K. Op. cit., 1992. P. 9.*

такими вазами и при переходе в иной мир, потому на Боспоре и в других греческих государствах подобные вазы обнаружены в погребениях.

Вазовые росписи нельзя рассматривать как непосредственное отражение действий, совершавшихся на мистериях. Художники рисовали эпизоды мифов, связанных с праздником, и придавали своим иллюстрациям некоторые черты, заимствованные из реальных ритуалов¹. Благодаря этому можно представить одежду и украшения жрецов и жриц, большие факелы и связки мирта, которые несли мисты. Глядя на такие изображения, греки вспоминали элевсинских богов и сакральные мифы о них, а также эпизоды драматических представлений, исполнявшихся во время таинств. Картина на пелике из Павловского кургана с наибольшей полнотой демонстрирует ряд образов, проходивших перед посвященными в Элевсинские мистерии, однако мы можем в них разглядеть значительно меньше, чем видели мисты.

В дополнение к названным вазам IV в. до н. э. следует рассмотреть еще три фрагмента сосудов из Ольвии и Пантикапея. На них представлен Триптолем, один из видных героев элевсинского цикла мифов. Рассказ о миссии Триптолема не принадлежал к числу тайных, и его знали во всем греческом мире. Поэтому вазы с эпизодами мифа о Триптолеме имели гораздо более широкое распространение, чем сосуды с другими элевсинскими сюжетами. Наиболее полный их каталог (более 100 экз.) содержится в книге Г. Шварц, но пантикапейский и ольвийские фрагменты в ней не учтены².

Героя Триптолема почитали в основном в Аттике и вспоминали, главным образом, во время Элевсинских мистерий. Благодаря их славе во всем античном мире, имя Триптолема стало известно эллинам, жившим в разных частях ойкумены. Образ героя вырисовывался перед ними в устных преданиях, в литературных произведениях и на памятниках изобразительного искусства, исполненных главным образом в Аттике³. Они расходились по многим греческим городам, и некоторые попадали в Северное Причерноморье.

Сказания о Триптолеме относятся к серии мифов о наставниках человечества, которых фольклористы называют культурными героями. Подобные мифологические персонажи встречаются в фольклоре разных народов. Такие герои добывают или впервые создают для людей огонь и орудия труда, обучают охоте, земледелию и ремеслам. У греков

¹ Нильссон М. Указ. соч. С. 75.

² Schwarz G. Triptolemos. Ikonographie einer Agrar und Mystriengottheit. Horn-Graz, 1987.

³ LIMC, s. v. Triptolemos; Schwarz G. Op. cit.

наиболее известным культурным героем был Прометей; из мастерской Гефеста и Афины он похитил огонь, даровал его людям и обучил их ремеслам (Aesch. Prom. 442–506; Plat. Prot. 320–321 e).

Эллины считали, что Триптолем научил всех людей земледелию. В древнейших сказаниях его называли сыном Океана и Земли (Paus. I, 14, 3). С архаического периода деяния Триптолема неизменно связывали с мифом о пребывании Деметры в Элевсине (Hom. Hymn. V, 473–477). Первый урожай пшеницы, согласно мифу, Триптолем вырастил на Рарийском поле близ Элевсина. На этом поле находился жертвенник Триптолема, и там показывали ток, на котором он обмолачивал урожай. Из зерновых, возделывавшихся на этом поле, готовили лепешки для жертвоприношений (Paus. I, 38, 6–7).

Этимологию имени Триптолема можно объяснить, как «трижды воюющий» или «трижды пашущий». Благодаря второму толкованию этот герой с конца VI в. до н. э. начал играть все более заметную роль в цикле элевсинских мифов¹. В конце VII в. до н. э., как явствует из гомеровского гимна Деметре, Триптолем не занимал еще какого-то выдающегося места среди нескольких видных граждан Элевсина, первыми посвященных в таинства и ставших жрецами на Элевсинских мистериях (Hom. Hymn. V, 473–477). Гомер дважды выделил героя одним характерным для эпоса эпитетом «хитроумный», который сразу же напоминает Одиссея, самого знаменитого носителя подобного определения (Hom. Hymn. V, 153, 474). Может быть, в дальнейшем гомеровский эпитет сыграл определенную роль при формировании предания о том, кому Деметра поручила миссию обучения людей земледелию.

В одном из вариантов мифа говорилось, что Триптолем вместе со своим братом Эвбулеем сообщил Деметре, кто похитил ее дочь, и в благодарности за это богиня дала ему пшеницу. Затем Триптолем занял в преданиях место сына элевсинского царя Келея (в гомеровском гимне царского сына звали Демофонтом). В доме Келея Деметра нашла приют во время поисков дочери; Триптолем стал ее воспитанником, и поэтому она послала его учить людей возделывать пшеницу (Apollod. Bibl. I, 32; Hygin. Fab. 147). Исполнив возложенную на него в юности миссию, герой царствовал в Элевсине; как посвященный в таинства он после смерти удостоился блаженного существования в потустороннем мире и за свою праведность вошел в число судей в Аиде вместе с Миносом, Радамантом и Эаком (Plat. Apol. 41 a).

¹ Нильссон М. Указ. соч. С.77.

Немногочисленные изображения Триптолема впервые появляются на чернофигурных вазах в конце VI в. до н. э.¹ К числу таких редких росписей принадлежит рисунок на фрагменте ольпы из Ольвии². Там хорошо сохранилась фигура Триптолема: он сидит на троне, поставленном на колеса с крыльями, в левой руке у него пшеничный колос. Судя по аналогиям подобных росписей, перед Триптолемом стояла Деметра (сохранилась лишь часть ее гиматия), а позади колесницы находилась Кора. Вся сцена представляла момент, когда Деметра давала своему посланцу последние наставления.

Триптолем нарисован бороатым соответственно тому, как греки представляли его в архаический период. Он предстает взрослым мужчиной во цвете лет в гомеровском гимне Деметре, в орфических гимнах, приписывавшихся Орфею и Мусею, и в трагедии «Алопа» драматурга Херила, старшего современника Эсхила (Paus. I, 14, 3). Художники и скульпторы классической эпохи начали изображать этого героя безбородым юношей, вероятно, потому, что тогда уже считали Триптолема царским сыном и воспитанником Деметры. Его колесница из трона, поставленного на колеса с крыльями, превратилась сказочную двухколесную повозку, запряженную крылатыми змеями. Такую колесницу описывал Софокл в трагедии «Триптолем» (fr. 539 Nauck) и, возможно, нечто подобное показывали на сцене афинского театра. Однако, мастера краснофигурной вазописи, которые значительно чаще своих предшественников рисовали Триптолема, зачастую снабжали его колесницу только крыльями без змей.

Именно так показана колесница героя на недавно найденном в Ольвии фрагменте краснофигурного кратера. Художник придерживался давней традиции изображать героя сидящим, но внес новшество в прежнюю композицию, смело повернув колесницу на зрителя. Мы видим оба колеса с крыльями и сидящего между ними Триптолема. Его торс нарисован почти фронтально, а лицо повернуто в профиль, как на вазах предшествующего времени. Этот сложный ракурс, по-видимому, заимствован из монументальной живописи, что характерно для вазописцев конца V–IV вв. до н. э.

Еще один фрагмент вазы с изображением Триптолема найден в Пантикапее³. Сосуд украшала традиционная композиция: Триптолем в

¹ Boardman J. Athenian Black-Figure Vases. London, 1985. P.219; Schwarz G. Op. cit. S. 73.

² Леви Е.И. Архаическая керамика из раскопок Ольвийской агоры 1968–1969 гг. // КСИА. № 190. 1972. С.52. Рис.15, 5.

³ Ашик А. Боспорское царство. Одесса, 1848. Т.1. Табл.54 а.

профиль сидит на крылатой колеснице, держа в руке чашу; перед ним стоит Деметра с высоким посохом и дает последние наставления, а сзади к колеснице подходит Кора, держа в руках два зажженных больших факела. Они служили ее постоянными атрибутами в сценах на темы Элевсинского цикла мифов. Наряду с этими неизменными персонажами около Деметры изображен бородатый мужчина в гиматии и с большим посохом. Возможно, это Зевс, а, может быть, царь Элевсина, сыном которого по некоторым вариантам мифа был Триптолем (рис. 30).

Наряду с вазовыми рисунками к интересующим нас памятникам изобразительного искусства относится найденный в Пантикапее посвященный рельеф, исполненный хорошим афинским скульптором в конце V – начале IV вв. до н. э.¹ По-видимому, он находился в храме Деметры, стоявшем на акрополе города или у его подножья². Согласно единодушному определению современных исследователей, сюжет скульптурной композиции отражает посвящение в Элевсинские мистерии. По нашему мнению, рельеф был заказан боспорянином после того, как он сам приобщился к элевсинским таинствам и в память об этом сделал посвящение в боспорский храм Деметры.

На мраморной плите длиной в 36 см представлено шесть фигур (рис. 31). Слева в профиль сидит Деметра в тонком подпоясанном ниже талии хитоне. Около богини стоит лицом к зрителю Кора, одетая в хитон и плащ, ниспадающий живописными складками; левой рукой она придерживает большой факел. К богиням подходят друг за другом четыре мужские фигуры: первая и последняя высокие и две маленького роста. Возглавляющий шествие мужчина с бородой в коротком хитоне держит два длинных предмета, один из которых поврежден. Скорее всего, это большие факелы, постоянно изображавшиеся в руках разных участников Элевсиний. Далее следуют две маленькие фигурки, обычно называемые детьми. Они закутаны в гиматии и опирают на плечи связки мирта, представленные очень обобщенно; пучки мирта были раскрашены, как вообще было принято в скульптуре того времени,

¹ ОАК 1859. С. 34. Обычно издатели рельефа датируют его концом V в. до н. э.: *Саверкина И.И.* Греческая скульптура V в. до н. э. в собрании Эрмитажа. Л., 1986. С.154; LIMC. Bd. 4. S. 867. № 270. Однако авторитетный специалист в области древнегреческой пластики Б.С. Риджвей придерживается более поздней датировки: *Риджвей Б.* Стела из Музея изобразительных искусств, найденная на Тамани // Таманский рельеф. М., 2000. С. 38. Прим.31

² *Гайдукевич В.Ф.* Указ. соч. С. 158.

и выглядели реалистично¹. Шествие замыкает безбородый юноша в плаще, накинутом на обнаженное тело; в правой руке у него опущенный факел, а левой он придерживает такую же связку мирта, как у идущих впереди.

Все персонажи находятся в закрытом помещении, так как в середине рельефа поставлена колонна-пилястра; она в античной вазописи и скульптуре означала внутренность здания. Здесь это зал, где проходили посвящения в Элевсинские таинства. К ним приобщались только взрослые², поэтому вряд ли скульптор включил в рельеф двух детей. Выскажу предположение, что это – смертные юноши, а рядом с ними два непреходящих участника Элевсиний: предводитель праздничной процессии Иакх и считавшийся братом Триптолема Эвбулей, которому обязательно приносили жертвы наряду с Деметрой, Корой и Триптолемом (СІГ І³. 78). Эти два героя в изобразительном искусстве V–IV вв. до н. э. не имели устойчивой иконографии и атрибутов, потому их трудно различать на многих памятниках живописи и скульптуры³.

На рельефе из Пантикапея скульптор, по традиции, представил богинь гораздо выше человеческого роста и выделил их более высоким рельефом; мифические Иакх и Эвбулей несколько ниже Деметры и Кору, а реальные мисты изображены совсем небольшими. Такая разница в росте богов и людей постоянно встречается на посвященных рельефах. Укажем, например, элевсинский рельеф второй половины IV в. до н. э.; шесть посвятивших этот рельеф врачей значительно уступают высотой находящимся здесь же Деметре, Коре и Асклепию⁴.

Представляется вероятным, что на рельефе из Пантикапея маленькие фигурки изображают двух боспорян в момент приобщения к Элевсинским таинствам; в память об этом они заказали афинскому скульптору рельеф и посвятили его в пантикапейский храм Деметры. Если считать сцену на рельефе отражающей один из сокровенных моментов таинств, то можно думать, что рельеф находился в той части храма, куда допускались лишь посвященные. Ведь, как уже говорилось выше, на Боспоре справляли празднества Деметры, сходные с Элевсинскими.

¹ Детально прорисованные связки мирта можно рассмотреть в руках посвященных в таинства Геракла и Диоскуров, изображенных на элевсинской пелике из Пантикапея (рис. 28) и на кратере IV в. до н. э. из Британского музея (*Bianchi U. Op. cit. Fig. 81*).

² Юноши могли стать мистами лишь в возрасте старше 19 лет после того, как они прошли военную подготовку (*Лауэнштайн Д. Указ. соч. С.190; Clinton K. Op. cit., 1992. P. 49*).

³ *Clinton K. Op. cit., 1992. P. 56, 64.*

⁴ *Petrakos B. National Museum. Athens, 1998. P.103. № 81.*

Инвентарь погребений IV в. до н. э. из кургана Большая Близница на азиатской стороне Боспора и некоторые терракоты аттического производства из Ольвии неоднократно зачисляли в круг памятников, связанных с культом элевсинских божеств. Наиболее обстоятельно эта точка зрения изложена в статьях А. А. Передольской. Она пришла к выводу, что уникальный набор аттических глиняных статуэток из Большой Близницы изображает персонажей драматических представлений, разыгрывавшихся на Элевсинских мистериях¹. Найденные в Ольвии сходные статуэтки так называемых актеров и шаржированных грустных, гневающихся и смеющихся старух также считались персонажами Элевсинских мистерий². Но теперь эта точка зрения оспаривается; смысл многих статуэток получает иное толкование, а погребенных женщин в Большой Близнице считают служительницами не Деметры, а Диониса, Афродиты, Апатуры и др.³.

В заключение рассмотрим фрески, исполненные местными художниками. Это росписи трех пантикапейских склепов со сценой похищения Кору. Хотя все они относятся к римскому времени, сюжеты рисунков традиционны и восходят к древнейшим сказаниям о Деметре и Коре. Изображения не только свидетельствуют о верованиях боспорян в первые века нашей эры, но и указывают на неизменность содержания основной части мифа, восходящего к архаическому периоду.

На всех трех фресках представлен Плутон на легкой двухколесной повозке, запряженной четверкой коней. Имя бога написано над его головой в самом знаменитом из этих погребений, называемом склепом Деметры (рис. 32). Его декор упоминается во всех работах, касающихся боспорского искусства⁴. Маленький возница погоняет бичом лошадей, а

¹ *Передольская А.А.* О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница // КСИА. 1957. Вып. 7. С. 69–72; *Она же.* К вопросу о терракотах из кургана Большая Близница // СА. 1955. Т. 24. С. 54–73; *Она же.* Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. 1962. Т. 7. С. 46–91.

² *Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 61–66.

³ *Мачинский Д.А.* Пектораль из Толстой могилы и женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 131–150; *Ходза Е.Н.* Статуэтки актеров из собрания Эрмитажа // ВДИ. 2001. № 1. С. 207; *Alexandrescu P.* Les symbolisme funeraire dans une tombe de la peninsula de Taman // Studia classica. Bucuresti, 1966. V. 8. P. 75–86.

⁴ АДЖ. С. 199–226; *Ернштедт Е.В.* Монументальная живопись // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 263; *Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. С. 105–109; *Кобылина М.М.* Живопись // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1986. С. 215 и др.

Плутон в развевающемся плаще прижимает к себе стоящую перед ним Кору. Рисунок выполнен не слишком умелым художником, плохо знакомым с анатомией и нарушавшим пропорции между фигурами. Он нарисовал героев мифа плоскостно и достаточно условно и, в то же время, тщательно выписал некоторые детали: орнамент, покрывающий бок колесницы, вожжи и кнут возницы.

Рука иного, выдающегося мастера чувствуется в росписи потолка камеры. Здесь в круглом, окаймленном венком медальоне помещены бюст Деметры и надпись с ее именем. Необыкновенно выразительно написано печальное лицо богини с большими грустными глазами. Ее взор устремлен к западной стене, в ту сторону, куда Плутон увез ее дочь¹. Остальная часть сводчатого потолка склепа украшена растительными гирляндами, пучками маков и плодами, представляющими дары и атрибуты богини.

Выбирая сюжеты для росписи склепа, родственники или друзья покойного думали о том, что лик Деметры и сцена из главного мифа Элевсинских мистерий напомнят о том, что возможно счастливое существование в потустороннем мире, которого удостаивались посвященные в таинства. Быть может, к их числу принадлежали члены семьи, погребенные в склепе Деметры, где захоронения производились несколько раз в течение I в. н. э.

Сходное желание руководило заказчиками при сооружении склепа Алкима, сына Гегесиппа, умершего на рубеже нашей эры. Картина похищения Кору на стене этого склепа написана более эмоционально и с большим количеством персонажей². Соотношение размеров фигур не имеет столь явных нарушений, как на рассмотренной выше фреске. Возница погоняет мчащуюся квадригу, а Плутон в развевающемся плаще стоит в колеснице; одной рукой он понукает возницу, а другой держит Кору, бессильно схватившуюся за голову. Позади колесницы в недоумении остались ее четыре подруги (рис. 33). В центре потолка склепа находится голова Деметры или Кору, окруженная венком из цветов.

Третий пантикапейский склеп открыт в 1841 г. и затем, к сожалению, разрушен, а его точное местоположение остается не определенным. Сохранились лишь план и несовершенно выполненные рисунки середины XIX в., но даже они дают представление о великолепии этого сооружения³. Две камеры, покрытые росписями, по богатству и разнообразию сюжетов не имеют себе равных на Боспоре. Поэтому представля-

¹ Соколов Г.И. Указ. соч. С. 109.

² АДЖ. С. 161–170. Табл. 49.

³ АДЖ. С. 346–375. Табл. 87–91.

ется вполне оправданным предположение, что в этом склепе во второй половине I – начале II в. н. э. похоронили одного из боспорских царей¹.

Самое подробное в боспорской монументальной живописи изображение мифа о Деметре украшало одну стену этого склепа. Справа находились две испуганные подруги Кору, с которыми она собирала цветы, когда земля разверзлась и Плутон схватил девушку. У ног бегущих в страхе ее подруг лежали брошенные корзины с цветами. Центр стены занимал стоящий на бегущей колеснице Плутон. Одной рукой он сам правил четверкой коней, а другой держал сопротивляющуюся Кору. На правой стороне стены была нарисована Деметра с факелом, ищущая свою дочь². Эта трехчастная картина в царском погребении, на мой взгляд, может служить одним из косвенных свидетельств о причастности боспорских царей к Элевсинским таинствам в римское время.

***Праздники на Боспоре и в Ольвии по образцу
Элевсинских мистерий***

В разных частях греческой ойкумены эллины поклонялись Деметре и Коре по элевсинскому образцу. Геродот отметил святилища элевсинской Деметры в Ионии и на Пелопоннесе (Her. IX, 57, 97), а Павсаний описал подобные храмы в Беотии, Лаконике и Аркадии (Paus. II, 14; IV, 1; VIII, 14, 15, 31). Жители аркадского города Феня утверждали, что местные мистерии не отличаются от Элевсинских (Paus. VIII, 14, 12). В IV в. до н. э. афинянин Метап, знаток элевсинских таинств, внес изменения в мистерии Деметры и Кору, издавна праздновавшиеся в Мессене (Paus. IV, 1, 5). Сходные с элевсинскими обряды совершались в Милете и его колониях, например, в Кизике³.

Рассмотренные выше надписи, вазовые рисунки, фрески и скульптура свидетельствуют, что в городах Северного Причерноморья также проводились праздники Деметры и Кору по элевсинскому образцу. Жрецы и жрицы, возглавлявшие такие эти празднества, нередко сами проходили посвящение на Элевсинских мистериях в Аттике. Они воочию наблюдали, как совершаются таинства, и могли повторить на родине священные ритуалы.

Праздники Деметры в греческих колониях Северного Причерноморья справляли, начиная с архаического периода. Здесь найдено множество монет и терракот с изображениями Деметры и Кору (рис. 34, 35). В ру-

¹ Там же. С. 374; *Гайдукевич В.Ф.* Указ. соч. С. 415.

² АДЖ. Табл. 89.

³ *Зелинский Ф.Ф.* Религия эллинизма. Пб., 1922. С. 35.

ках последней нередко находится цветок или плод граната, напоминая о том, что она собирала цветы, когда ее похитил Аид; он заставил пленницу съесть зерно граната и таким образом признать похитителя своим супругом¹. В одном граффито V в. до н. э. упомянут ольвийский храм Деметры². Храм этой богини стоял также в центре Пантикапея и на окраине Горгииппии³.

Возле этих храмов справлялись праздники и перед жертвоприношением, по традиции, исполняли гимн, обращенный к богине. Тогда непременно вспоминали знаменитый миф о том, как богиня искала похищенную Плутоном дочь, как радовалась, когда та возвратилась, как от этой радости вновь расцвели все растения, а Деметра даровала людям пшеницу и послала Триптолема учить людей ее возделывать. Упомянутый выше фрагмент чернофигурной ольпы с его изображением свидетельствует, что уже в архаический период в Ольвии знали героя мифов Элевсинского цикла, и, может быть, ольпу как парадный сосуд использовали на праздничных ритуалах. Возможно, на ольвийских праздниках пели гомеровский и орфические гимны с упоминанием Триптолема; ведь ольвиополиты отличались выдающейся любовью к Гомеру (Dio Chrys. XXXVI, 9–10) и среди них в VI–V вв. до н. э. были приверженцы учения орфиков⁴.

Находки на развалинах святилища, расположенного на Фанталовском полуострове у берега Керченского пролива, показывают, что здесь в VI–I вв. до н. э. исполнялись ритуалы в честь Элевсинских богинь⁵. В 63 г. до н. э. произошло разрушительное землетрясение на Боспоре в то время, когда царь Митридат справлял праздник Деметры (P. Oros. VI, 5, 4). Ученые полагают, что несчастье случилось осенью, и именно этот праздник проходил в Пантикапее по образцу элевсинских мистерий⁶.

Наверное, женщины, погребенные в курганах Павловский и Большая Близница, исполняли жреческие обязанности на праздниках такого рода. Их похоронили в парадных жреческих костюмах и положили в могилу

¹ Сапрыкин С.Ю. Указ соч. С. 62–63..

² Русяева А.С. Указ. соч. 1979. С. 46–47.

³ Гайдукевич В.Ф. Указ. соч. С. 158; Кругликова И.Т. Синдская гавань. Горгииппия. Анапа. М., 1975. С. 60–62.

⁴ Русяева А.С. Указ. соч. С. 75; Жмудь Л.Я. Орфические граффиты из Ольвии // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 94–110.

⁵ Завойкин А.А. Образы и символы Матери и дочери в святилище богинь на «Береговом 4» // Боспорский феномен. СПб., 2002. Т. 1. С. 259–266.

⁶ Блаватский В.Д. Землетрясение 63 г. до н. э. на Керченском полуострове // Природа. 1977. № 8. С. 56–57; Масленников А.А. Указ. соч. С. 136.

Глава V. Мастерии

предметы, связанные с элевсинским культом. Жрицы Деметры трижды названы в боспорских надписях (КБН. 8, 14, 18). Одна из них в III в. до н. э. сделала посвящение Деметре Фесмофоре (КБН. 18), культ которой весьма близок к элевсинскому¹.

Две упомянутых ольвийских надписи, множество терракот с изображением Деметры и Кору², а также существенное влияние Афин на все области жизни Ольвии в классический и раннеэллинистический периоды позволяют с большой долей уверенности думать, что, как и в Пантикапее, здесь справлялись празднества по образцу элевсинских.

Мистерии Кабирос в Самофракии и в Северном Причерноморье

Мистерии, ежегодно проводившиеся на маленьком острове Самофракии, известны по археологическим и письменным источникам, начиная с VII в. до н. э.³ Из разных греческих полисов сюда собирались эллины, чтобы принять посвящение в таинства местных богов. Их имена не полагалось знать непосвященным (Strab. X, 3, 21). Только в схолиях к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (I, 917) со ссылкой на утраченное сочинение автора эллинистического времени перечислены четыре имени самофракийских богов: Аксиерос, Аксиокерса, Аксиокерсос и Касмилос.

В эллинистический период мистерии на Самофракии приобрели наибольшую популярность. Тогда здесь на месте прежних построили более крупные храмы и помещения, куда допускались только принявшие посвящение. Самофракийские мистерии во многом стали сходны с элевсинскими: мисты делились на посвященных первой и второй ступени, а почитание четырех названных богов напоминало ритуалы, сопровождавшие праздник Деметры и Персефоны с участием Аида и Плутоса.

Геродот (II, 51) назвал Самофракийские мистерии оргиями Кабирос и рассказал, что там представляли какое-то священное сказание. Это подтверждается найденными остатками святилища, построенного при жизни Геродота; оно включало круглое театральное помещение

¹ Нильссон М. Указ. соч. С. 68; Clinton K. Op. cit. 1993. P. 120.

² Русяева А. С. Указ. соч. 1979. С. 39–61; Она же. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 35–64.

³ Burkert W. Concordia Discors: the Literary and Archaeological Evidence on the Sanctuary of Samothrace // Greek Sanctuaries. New Approaches. London–New-Jork, 1993. P. 178–186.

с поднимавшимися вдоль стен ступенями для зрителей и алтарем в центре¹. «Отец истории» упомянул и о внешнем виде Кабириов, сказав, что они похожи на карликов (III, 37). Такими их изображали античные коропласты во множестве терракотовых фигурок, найденных в различных частях греческой ойкумены; древнейшие статуэтки из Северного Причерноморья относятся к начальному периоду колонизации. Кабиры представлены их в различных возрастах, от младенческого до преклонного; обычно они мужского, изредка женского пола, тучные, с большим животом, голову их увенчивает колпак-пилос².

Праздники Кабириов, по-видимому, восходят к древним фракийским ритуалам. Кабиры, подобно другим богам мистериальных культов, олицетворяли плодоносящие силы природы. Кроме того, на Самофракии их почитали как могущественных защитников мореплавателей, которые в древности всегда подвергались большому риску (Apoll. Rhod. I, 916; Diod. IV, 43; V, 49; Schol. Aristoph. Pax. 278).

Культ Кабириов на Березани, в Ольвии и в Нимфее процветал уже в VI в. до н. э. В Нижнем Побужье об этом известно лишь по находкам терракот³, в Нимфее же открыто святилище Кабириов⁴. Оно существовало в VI–IV вв. до н. э. на акрополе города, и там справлялись празднества, близкие по характеру самофракийским. Это подтверждается сходным устройством самофракийского и нимфейского святилищ, имевших апсиду, священный камень и жертвенную яму. В Нимфее во время праздничных церемоний использовалась дорогая посуда. Из лучших ее образцов уцелели мраморное блюдо и чернофигурный кратер с изображением животных на венчике и квадриги на тулове сосуда. Жители Нимфея дарили в храм Кабириов расписную и чернолаковую посуду, терракоты и печати с изображениями самих Кабириов и Кибелы. Находки терракот Кибелы напоминают о том, что эту богиню вместе с Деметрой и Корой почитали в храме Кабириов на Самофракии⁵. В эллинистический период

¹ О раскопках святилища на Самофракии и найденных там надписях см.: *Lehmann K., Lehmann Ph. Samothrace. Excavations Conducted by the Institute of Fine Arts of New-York University. Princenton. T. 1–6. 1958–1992; Lehmann K. Samothrace. A Guide to the Excavations and the Museum. New-York, 1983; Burkert W. Op. cit. P. 180.*

² *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 37–39; *Русяева А.С.* Земледельческие культы Ольвии. Киев, 1979. С. 92–101.

³ *Передольская А.А.* Следы культа Кабириов на Березани // СГЭ. 1960. Т. 13. С. 23–27; *Русяева А.С.* Терракоты и фигурные сосуды // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987. С. 168–169.

⁴ *Худяк М.М.* Два святилища на акрополе Нимфея // ТГЭ. Т.2. 1958. С. 83–87.

⁵ *Новосадский Н.И.* Культ Кабириов в Древней Греции. Варшава, 1900; *Lehman K. The Mystery Cult of Samothrace//Archaeology. 1954. № 3. P. 91–95.*

Глава V. Мастери

под общим названием «самофракийские боги» наряду с Кабирами чаще всего подразумевались Плутон, Деметра и Кора¹.

В Самофракийские мистерии посвящали греков из любого полиса, в таинствах участвовали мужчины, женщины и даже дети (Schol. Apol. Rhod. I, 917); например, родители Александра Македонского Филипп и Ариадна в отроческом возрасте стали самофракийскими мистами (Plut. Alex. 2). Среди приезжих, стремившихся принять посвящение, значительную часть составляли купцы и часто плававшие по морю члены экипажей кораблей. Письменные свидетельства об этом сохранились, начиная с классического периода. Теофраст (Char. 25), характеризуя труса, писал, что чуть поднимутся волны на море, трус узнает, есть ли на судне среди его спутников не посвященные в самофракийские таинства, то есть на всех ли распространяется покровительство Кабиров, и не принесут ли несчастье непосвященные. Античные авторы писали о находившихся на Самофракии многочисленных приношениях и благодарственных надписях за спасение на море (Cic. De nat. Deor. III, 37; Diod. Laert. VI, 59).

Некоторые археологические находки указывают на то, что в число посвященных в самофракийские мистерии входили жители Северного Причерноморья. Наиболее определенно об этом говорят две ольвийские надписи. Начертанная на постаменте утраченной статуи надпись III в. до н. э. гласит: «Эвбиот, сын Аристона. Эпикрат, сын Никерата поставил статую дяди, пророчествовавшего самофракийским богам» (IPE I². 191). Мистерии самофракийских богов совершались в Ольвии под руководством Эвбиота и других жрецов. Надо полагать, что они посещали Самофракию, были посвящены в таинства и воспроизводили их у себя на родине. Здесь приносили божествам ценные дары, среди них мраморный лутерий конца IV в. до н. э. с вырезанной на нем надписью: «Антестерий посвятил Самофракийским богам» (HO. 67). Ольвиополиты, вероятно, использовали этот дорогой сосуд для омовения во время праздничных ритуалов, поскольку омовение в мистических культах играло особенно важную роль. Граффито на доньшке чернолакового килика первой половины IV в. до н. э. указывает на то, что Кабиров в Ольвии чествовали одновременно с Деметрой и Корой², как это было принято в то время

¹ Burkert W. Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche. Stuttgart, 1977. S. 420–426.

² Русяева А.С. Земледельческие культы... С.48. Рис. 28. 12; Уточненное чтение этого граффито см.: Vinogradov J., Rusjaeva A. Phantasmomagica Olbiopolitana // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphic. Bd. 121. 1998. S. 162. Taf. 12, 6.

в Самофракийском святилище. Таким образом, мистерии посвящались одновременно нескольким богам.

На Боспоре найдено немало памятников, свидетельствующих о почитании Кабиров и их праздниках. Наряду с уже упомянутыми нимфейским святилищем и терракотовыми статуэтками назовем изображения Кабиров на фанагорийских и пантикапейских монетах IV в. до н. э. На первых бородастый Кабир представлен в традиционном пилосе, украшенном лавровым венком; менее определенно можно отождествить с Кабирами некоторые изображения на пантикапейских монетах¹. Находки на Боспоре и в Ольвии железных колец возможно рассмотреть в качестве косвенного свидетельства о присутствии в этих государствах людей, посвященных в Самофракийские мистерии. Ведь мисты получали железные кольца, обладавшие магнитным действием (Lucr. VI, 1044; Plin. NH. XXXIII, 23)².

Какие-то торжества в честь Кабиров справляли и в Херсонесе, о чем говорит одно посвящение в их святилище. На чернолаковом килике прочерчено графито: «Великим Богам от Афинаиды»³; под Великими богами подразумевались Кабиры, а имя дарительницы указывает, что в праздниках, как и на Самофракии, могли принимать участие женщины.

Празднества Кибелы и других богов восточного происхождения

Почитание Кибелы заимствовано греками у их восточных соседей⁴. Эллины стали называть фригийскую богиню Кибелу также Матерью богов или Великой Матерью, вероятно, из-за слияния образа этой богини с Реей, считавшейся прародительницей всех богов. Именем Кибелы называлась гора во Фригии (Her. I, 80; Strab. XII, 5, 3; С.567), там же, в городе Пессинунте, находилось ее прославленное во всем античном мире святилище. Процессии празднеств Матери богов проходили по малоазийским горам Иде и Диндиму. Поэтому греки и римляне часто

¹ Зограф А.И. Античные монеты. МИА. № 16. М.; Л., 1951. С. 170–171.

² Burkert W. Concordia ... P. 187; Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В. и др. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. С. 562.

³ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. С. 8 и 71, № 925.

⁴ О роли Кибелы в религии греков и римлян см. диссертацию О.В. Богатовой «Культ Великой Матери богов Кибелы в греко-римской древности». СПб., 1998. Там же дана подробная библиография. Диссертация в основном посвящена происхождению культа и его роли в Риме. Почитание Кибелы в Северном Причерноморье не рассматривается, и потому сделан ошибочный вывод, что в пантеоне греков Кибела не играла существенной роли.

Глава V. Мастериш

называли Мать богов Фригийской, Идейской, Диндимейской (Strab. X, 3, 12; С. 469; Ovid. Fast. IV, 183, 249–250; Plut. Them. 30). Судя по надписям, первую эпikleзу употребляли боспоряне (КБН. 21) и ольвиополиты¹, следовательно, и они помнили о малоазийском происхождении богини.

Таинства Матери богов справляли на Востоке с жестокой кровавой обрядностью. Экстаз ее поклонников доходил до состояния безумия. Они наносили друг другу раны ножами, острыми камнями и черепками; некоторые доходили до самооскопления, воспроизводя эпизод священного сказания об Аттисе, юном фригийском пастухе, возлюбленном Кибелы. По преданию, он погиб, когда решил наказать себя за измену богине и оскотил под сосной самого себя (Ovid. Fast. IV, 221–244). Сосна, наряду с тимпаном и чашей, считалась символом Кибелы, и во время ее празднеств зажигали сосновые факелы (Pind. Dithyr. 70 b, 11). Скорбя о смерти юноши, богиня воскресила его, поэтому во время мистерий разыгрывались сцены гибели и возрождения Аттиса.

Греки и римляне частично изменили и смягчили жестокие восточные ритуалы, но все же эти празднества и особенно обряды посвящения вызывали у многих содрогание. В I в. до н. э. Катулл в заключительных стихах поэмы «Аттис» писал, обращаясь к Кибеле, «госпоже Диндимейских гор»: «Пусть я пребуду в отдалении от твоих чудовищных тайн и пусть твой ужас и безумие опьяняют других». Возможно, здесь отразились не только впечатления самого Катуллы, видевшего в Риме подобные празднества², но также чувства автора той греческой поэмы эллинистического времени, которая вдохновила римского поэта.

Греки отождествляли Кибелу с Реей, матерью большинства олимпийских богов (Strab. X, 3, 15; С.470). Вот как обращался к ней один из ее жрецов:

*Мать моя, Рея, фригийских кормилица львов, у которой
Верных немало людей есть на Диндима, тебе
Женственный твой Алексид посвящает орудия эти
Буйных радений твоих нынче оставленных им:
Эти звенящие резко кимвалы, а также кривые
Флейты из рога телят, низкий дающие звук,
Бьющие громко тимпаны, ножи, обгаренные кровью,
С прядями светлых волос, что, распуская, он тряс.*

¹ Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 146.

² Современник Катуллы Лукреций в поэме «О природе вещей» (II, 600–643) описал праздник Великой матери в Риме. Известно также, что в апреле римляне устраивали игры Megalesia, посвященные Кибеле (Cic. Or. XX, 22–25; Ovid. Fast. IV, 179–372); празднество сопровождалось постановками трагедий и комедий.

*Будь милосердна, богиня, к нему и от оргий, в которых Юношей буйствовал он, освободи старика*¹.

Как видно из этого стихотворения и свидетельств других античных авторов, служители Кибелы в Греции и Риме были скопцами. Они занимали видное место в празднествах в честь Матери богов, воспроизводивших одну из древних форм почитания производящих сил природы. Аттис играл роль, сходную с той, которую исполняла Кора в Элевсинских мистериях. Его смерть и воскресение знаменовали замирание жизни растений зимой и их пробуждение весной. Возрождение Аттиса давало также мистам надежду на то, что они после смерти воскреснут в иной жизни.

В середине IV в. н. э. Фирмик Матерн в послании византийским императорам об искоренении язычества описал некоторые моменты мистерий Матери богов. Приняв христианство и осуждая языческие культы, Матерн не боялся открыть известные ему тайны. Он сообщил, что проходившие посвящение брали какую-то еду с тимпана, пили из кимвала и подвергались мучительным обрядам, во время которых испытывали ужасный страх. В подземелье их зарывали в землю до головы и отпевали как умерших; затем они воскресали, когда жрец шепотом произносил: «Воспряньте духом, мисты: бог спасен! И мы обрящем от трудов спасенье!»².

В последней четверти V в. до н. э. афиняне построили Метроон – храм Матери богов с отделением для хранения государственного архива (Dem. XIX, 129; XXV, 98)³. Храмовая статуя богини, исполненная учеником Фидия Агоракритом (Plin. NH. XXXVI, 17), стала образцом для изображений Кибелы во многих городах Эллады. Вплоть до первых веков нашей эры образец Агоракрита оставался господствующим для воплощения образа богини в монументальной скульптуре и терракотах. Кибелу изображали сидящей на троне со львом на коленях или у ее ног. Голову богини увенчивал калаф, в правой руке находилась чаша, а левой она придерживала большой тимпан. Терракотовые статуэтки с подобной композицией во множестве найдены в Ольвии и на Боспоре⁴. Вольные копии скульптуры Агоракрита украшали Пантикапей и Херсонес; тем же

¹ Перевод Л.Блуменау. Это стихотворение анонимного автора, написанное в неизвестное время, включено в рукопись Палатинской антологии древнегреческих эпиграмм (AP. VI, 51).

² Зелинский Ф.Ф. Религия эллинизма. Петербург, 1922. С. 41–43.

³ Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. Bd.1. München, 1976. S. 687.

⁴ Русяева А.С. Земледельческие культы Ольвии. Киев, 1979. С. 104–106. Рис. 50, 51; Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 36, 53.

оригиналом вдохновлялись мастера, создававшие небольшие мраморные статуэтки Кибелы (рис. 36)¹.

Колонисты перенесли из Милета культ Кибелы в свои поселения в Северном Причерноморье и, вероятно, по традиции справляли весной праздники в ее честь². Самые ранние свидетельства VI в. до н. э. относятся к Ольвии и ее округе, а древнейшие боспорские и херсонесские памятники такого рода датируются последней четвертью V в. до н. э. Это граффито с посвянительной надписью Матери богов на доньшке чернолакового сосуда из Мирмекия и голова мраморной статуи Кибелы из Херсонеса³. Таким образом, в классический период празднества Матери богов проводились не только в милетских колониях, но и в дорийском Херсонесе. Там находилось святилище богини, куда херсонеситы приносили свои дары. Из них сохранился фрагмент краснофигурного кратера, расписанного на рубеже V–IV вв. до н. э.; на него нанесены граффито с монограммой Кибелы и рядом рисунок ее священного животного льва⁴.

О праздниках Кибелы в Ольвии и в ее округе достоверно известно с середины VI в. до н. э. В городе их справляли на отведенном священном участке Западного теменоса. Там найдены фрагменты сосудов VI–V вв. до н. э. с посвящением Матери богов и votivные плитки с ее изображением, изготовленные во второй половине VI в. до н. э. местными мастерами по милетским образцам. Праздники сопровождались жертвоприношениями, во время которых закалывали преимущественно коз, о чем свидетельствует анализ костных остатков в ямах-ботросах, куда закапывали все ненужное⁵.

Кроме того, Кибеле приносили бескровные жертвы. На особом керамическом блюде раскладывали разные злаки, горох, чечевицу и др. (Pollux. IV, 103). Этот обычай, как писал Афинея (XI, 476), был широко распространен во многих местах, где поклонялись Кибеле. Богине также посвящали кушанья, специально приготовленные для ее празднества. В Афинах, например, варили галаксию – ячменную кашу на

¹ Максимова М.И., Наливкина М.А. Скульптура // Античные города Северного Причерноморья. М., 1955. С.306. Рис.17; Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. С. 27–28. № 44, 47, 48, 51–53.

² Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. С. 41.

³ Гайдукевич В.Ф., Михайловский К. Мирмекий в свете советско-польских исследований 1956–1958 гг. // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 136; Античная скульптура Херсонеса... С. 26. № 44. Рис. 27.

⁴ Соломоник Э.И. Древние надписи Крыма. Киев, 1988. С. 66.

⁵ Русяева А.С. Религия и культура... С. 144–145. Рис. 46, 47.

молоке. Поэтому весенний афинский праздник Матери богов назывался Галаксиями¹. Описывая празднества Кибелы в Риме, Овидий сказал, что богине приятна древняя еда из молока, смешанного с сыром и зеленью (Ovid. Fast. IV, 369–371).

Вскоре после основания Ольвии колонисты поставили алтарь Матери богов в Гилее, лесной области, простиравшейся к востоку за реками Гипанисом и Борисфеном; там же они установили алтари Геракла и речного бога Борисфена. Ольвийский жрец, посетивший Гилею в третьей четверти VI в. до н. э., сообщил о разрушении этих алтарей в написанном на стенке амфоры письме; оно частично уцелело до наших дней².

В V в. до н. э. напротив Ольвии на Гипполаевом мысу стоял храм Матери богов, упомянутый в «Истории» Геродота (IV, 53). Правда, из-за разночтений в рукописях господствует мнение, что историк имел в виду храм не Кибелы, а Деметры. В связи с этим стоит подробно остановиться на аргументах в пользу того и другого рукописного чтения.

В отечественной и зарубежной историографии давно уже отпали сомнения в том, кому поклонялись ольвиополиты в святилище на Гипполаевом мысу. Все исследователи во второй половине XX в., касаясь этого вопроса, писали о святилище или храме Деметры³. Они исходили из единственного сохранившегося свидетельства об этом в «Истории» Геродота. В изданиях греческого текста «отца истории», в русских⁴, украинских⁵ и западноевропейских переводах⁶, осуществленных в конце XIX–XX вв., действительно написано о святилище Деметры. Геродот указал, что оно находится на Гипполаевом мысу, выдвигающемся, по-

¹ *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. СПб., 1997. С. 139; *Parke H.W.* Athenische Feste. Mainz am Rhein, 1987. S. 264.

² *Русяева А.С.* Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее окрестности в архаическое время. Киев, 1987. С. 147.

³ *Штительман Ф.М.* Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // МИА. 1956. № 50. С. 257; *Русяева А.С.* Земледельческие культы... С. 71. Она же. Религия и культы... С. 85, 114–115; *Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А.* Нижнее Побужье в классическое время // Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999. С. 117 и др.

⁴ *Геродот.* История. Перевод и предисловие Ф.Г. Мищенко. М., 1885; *Геродот.* История. Перевод и примечания Г.А. Стратоновского. Л., 1972; *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

⁵ *Геродот.* Історія. Переклад, передмова та примітки А.О. Білецького. Київ, 1993.

⁶ *Herodotus.* Das Geschichtswerk. Übersetzung von Th. Braun, H. Barth. Berlin; Weimar. 1967; *Herodotus.* With an English translation by A.D. Godley. The Loeb Classical Library. London, 1971.

добно корабельному носу, между слиянием рек Гипаниса и Борисфена, а напротив него живут ольвиополиты, называемые историком борисфенитами.

В сохранившихся более чем сорока рукописях «Истории» в этом месте существуют разночтения. Часть рукописей называет богиню не Деметрой, а Матерью¹. Издатели XX в. сочли это ошибкой переписчиков, пропустивших первый слог в имени божества – Μητρός вместо Δήμητρος. Но можно предположить и другое: средневековые переписчики знали имя античной богини Деметры и не помнили гораздо реже упоминавшуюся древними авторами Мать (богов) или Кибелу, поэтому они исправили мало понятное Μητρός на Δήμητρος.

Во времена Геродота ольвиополиты поклонялись обеим богиням, и поэтому, по справедливому замечанию В. В. Латышева, невозможно окончательно решить, какому чтению следует отдать предпочтение². И все же содержание приведенной Геродотом новеллы об Анахарсисе (IV, 76), а также новые находки граффити с именем Матери богов позволяют, на наш взгляд, привести более основательные доводы в пользу Кибелы. О почитании же Деметры в районах восточнее Гипаниса в VI–V в. до н. э. ничего не известно.

Ольвиополиты называли Гилеей область в низовьях Борисфена (Her. IV, 9, 19, 54, 55, 76; Mela II, 5; Plin. NH. IV, 83). Некоторые исследователи считают, что она располагалась на левом берегу Днепра; по нашему мнению, следует согласиться с учеными, локализовавшими Гилею по обоим берегам реки³. Ведь Гилея, буквально лесная область, не ограничивалась территорией на одной стороне Борисфена, потому что в низовьях реки леса росли по обоим берегам. Скорее всего ольвиополиты считали Гилеей лесной массив, лежавший напротив их города и его сельской округи, а он простирался и на восток за Борисфен.

Поклоняясь Матери богов в Гилее, колонисты уподобили окрестности своей новой родины тем лесистым местам в Малой Азии, где чтили Кибелу (Strab. X, 3, 12; С. 469). Лукиан в «Разговорах богов» (гл. 12) изобразил Кибелу мчащейся по поросшей лесом малоазийской горе Иде в сопровождении своих спутников корибантов, гудящих в рога и стучащих в тимпаны. Наверное, ольвиополиты устраивали подобные процессии в Гилее. При свете сосновых факелов шествия и танцы сопровождалось громкими восклицаниями, ударами в тимпаны, стуком кроталов, звоном

¹ *Herodotus*. Musae. Ed. F.Czeuzer, I.Baehr. Bd.2. Lipsiae, 1857. P. 414.

² *Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887. С. 25. Прим. 6.

³ *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Указ. соч. С. 232–233.

кимвалов и пронзительными звуками аулосов, исполнявших мелодии во фригийском ладе (Pind. Dithyr. 70 b, 8–14; Ovid. Fast. IV, 213–215, 341–342).

Культ Кибелы, как и Диониса, частично был общедоступным, но некоторые ритуалы и празднества могли справлять лишь посвященные в таинства богини. Свою причастность к таинствам поклонники Кибелы ощущали так же, как хор трагедии «Вакханки» Еврипида (ст. 78–82):

*Счастлив, если приобщен ты
Оргий Матери Кибелы;
Если тирсом потрясая,
Плюща зеленью увенчан,
В мире служишь Дионису*

Перевод И. Анненского

Для прояснения вопроса о святилище на Гипполаевом мысу следует привлечь записанную Геродотом (IV, 76) в Ольвии новеллу о скифе из царского рода Анахарсисе. Ольвиополиты рассказывали, как Анахарсис, посетив многие страны и стяжав славу мудреца, возвращался на родину. Во время стоянки корабля в Кизике Анахарсис стал свидетелем празднества Матери богов; он поклялся совершить в ее честь подобное празднество, если благополучно возвратится на родину. Вернувшись в Скифию, Анахарсис исполнил свой обет: он отправился в Гилею и там произвел обряды, повесив на себя изображение Матери богов и ударяя в тимпан. Один скиф увидел это и донес царю Савлию. Тот прибыл в Гилею и, убедившись в истинности доноса, убил Анахарсиса выстрелом из лука за приверженность не отеческой религии. Так, по мнению рассказчика, скифы расправляются с теми, кто воспринимает чужие обычаи.

В новелле, как и в любом фольклорном произведении, нет определенных указаний на время ее действия. Но его можно определить по косвенным данным Геродота. Через ольвиополита Тимна, доверенного скифского царя Ариапифа, историк узнал, что Савлий приходился братом Анахарсису и отцом победителю персов Идантирсу. Таким образом, Анахарсис поклонялся Кибеле и погиб примерно в середине VI в. до н. э., потому что в последней четверти этого века Идантирс уже унаследовал власть от отца и воевал с Дарием.

Наверное, поступок Анахарсиса послужил лишь поводом для его устранения как конкурента в борьбе за власть, но внешне гнев царя, вероятно, сопровождался не только расправой с родичем, но и уничтожением греческих алтарей в Гилее¹. Возможно, скифы не раз так посту-

¹ Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998. С. 102–106.

пали, и об одном из таких разрушений говорится в упомянутом выше письме жреца, близком по времени сюжету новеллы об Анахарсисе.

До сих пор не уделялось должного внимания тому, что Анахарсис дал обет поблагодарить Кибелу в случае благополучного возвращения на родину. Значит, по местным верованиям, в функции этой богини входило обеспечение безопасности плавания по морю. Анахарсис оказался в милетской колонии Кизике потому, что там останавливались все суда перед выходом в рискованное плавание по бурному Понту, где часто случались кораблекрушения. Во времена Анахарсиса Понт еще нередко называли не Евксинским, а Аксинским, то есть негостеприимным¹. Тогда корабли, направляясь к берегам Скифии, выходили из пролива Босфор Фракийский и шли вдоль западного побережья Понта мимо весьма опасного места близ фракийского города Салмидесса, там античные суда часто тонули не только в VI в. до н. э., но и в более поздние времена (Strab. VII, 6, 1).

Итак, из новеллы об Анахарсисе становится известна ипостась Кибелы – защитницы мореплавателей. Таким образом, ее покровительство всему живому распространялось не только на сушу, но и на водные пространства. Греки приписывали также подобную функцию Кабирам, культ которых был сходен с культом Кибелы, и их зачастую почитали в одном храме, например, в известном во всем эллинском мире святилище Кабиров на острове Самофракии², где находилось множество благодарственных даров от спасенных на море (Cic. De nat. Deor. III, 37; Diod. Laert. VI, 59), или в их святилище в Нимфее, где найдены терракоты с изображением Кибелы³.

Гипполаев мыс отождествляется с современным мысом Станиславским. Для греков он был словно создан самой природой для помещения на нем святилища божества, покровительствующего счастливому плаванию. Ведь мыс находится на пересечении трех водных путей при впадении в лиман Буга и Днепра. Два из них, вверх по Гипанису и Борисфену, вели вглубь Скифии, и по ним осуществлялась торговля с местными племенами. Третий путь, вниз по лиману, выводил в Понт, откуда можно плыть в черноморские порты и любые пункты Средиземноморья, в том числе и в метрополию Ольвии Милет. Само очертание острого каменистого мыса напоминало эллинам нос корабля. Это сравнение, услышанное от ольвиополитов, дважды встречается в античной литературе: в «Истории» Геродота (IV, 53) и через несколько

¹ Там же. С. 19–20.

² Lehman K. The Mystery Cult of Samothrace // Archaeology. № 3. P. 91–95.

³ Худяк М.М. Два святилища на акрополе Нимфея // ТГЭ. Т. 2. 1958. С. 83–87.

столетий – в начале Борисфенитской речи Диона Хрисостома (XXXVI, 2). Таким образом, мыс в виде носа корабля гармонировал с храмом богини, покровительницы мореплавания.

Археологам пока не удалось найти каких-либо остатков святилища на Гипполаевом мысу. По-видимому, оно обрушилось в воду из-за интенсивного размывания прибрежной полосы¹. По той же причине сейчас нельзя разглядеть очертаний каменистого выступа, сходного с носом корабля, входящего в воды Днепро-Бугского лимана.

Геродот назвал святилище на Гипполаевом мысу словом *ἱρόν*, которым историк определял не только храм, но и священный участок без здания храма (V, 119). Поэтому в переводах его передают либо как храм², либо как святилище³. Надо думать, что сначала, в VI в. до н. э., ольвиополиты оградили на мысу священный участок с алтарем. Возможно, там Анахарсис исполнил свой обет. В V в. до н. э. на мысу, скорее всего, стоял храм, и его имеет в виду Геродот. Возвышаясь на оконечности мыса, здание служило маяком для судов. В качестве аналогии можно напомнить храм Посейдона того же времени на мысе Сунион, южной оконечности Аттики. Там афиняне, выходя в открытое море, приносили жертвы владыке морей, а возвращаясь, благодарили его за благополучное завершение плавания. На храм Посейдона ориентировались корабли, державшие путь в афинский порт Пирей.

В пользу мнения, что на Гипполаевом мысу высилось здание храма, говорит ольвийское граффито V в. до н. э., в котором Мать богов названа владычицей Гилеи⁴. Ведь владыками какого-нибудь места обычно назывались божества, имевшие храмы с принадлежавшими им землями. Напомним, что на находившемся под покровительством ольвиополитов острове Левка (о. Змеиный близ устья Дуная) стоял широко известный в древности храм Ахилла. Его греки называли владыкой острова, что нашло отражение в поэзии (Pind. Nem. IV, 49), в граффито на чернолаковом лекифе первой четверти V в. до н. э., найденном на Левке⁵. и в надписях IV–II вв. до н. э. (IRE I². 326, 672). Начиная с V в. до н. э., храм Ахилла, построенный из мраморовидного известняка, служил маяком для мореходов, следовавших вдоль западного побережья Понта⁶.

¹ Штительман Ф.М. Указ. соч. С. 257.

² Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Указ. соч. С.255; *Herodotus...* 1971. P. 255.

³ *Herodotus...* 1971. P.255.

⁴ Русяева А.С. Указ. соч. 1982. С. 145.

⁵ Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2. С. 84–85.

⁶ Охотников С.Б., Островерхов А.С. Святилище Ахилла на острове Левке (Змеинном). Киев, 1993. С. 106–108.

Итак, на наш взгляд, имеются, веские доводы в пользу предпочтения тех рукописей Геродота, в которых написано о храме Матери богов, а не Деметры. Историк назвал богиню одним словом Мать; такое же наименование богини читается на нескольких ольвийских граффити VI–V вв. до н. э. На Гипполаевом мысу ольвиополиты поклонялись богине, считая ее покровительницей всего живого на суше и на воде. К ней, как к Кабирам на Самофракии, обращались с просьбой защитить от опасностей во время морских путешествий. Главным доказательством подобной функции богини следует считать сообщение Геродота об обете Анахарсиса в случае благоприятного возвращения на родину справить праздник Кибелы так же, каким он видел его в Кизике. Этот город, подобно Ольвии, был милетской колонией. По всей вероятности, кизикенцы и ольвиополиты, заимствуя культ Кибелы из своей метрополии, особо выделяли ее функцию защитницы от опасностей на море.

Отправляясь на кораблях по рекам в Скифию или по морю в греческие города, ольвиополиты приходили на Гипполаев мыс просить Кибелу о счастливом плавании, а на обратном пути их и приезжих купцов встречал храм Матери богов, служивший маяком и знаком того, что рейс корабля близок к завершению. Из-за отсутствия письменных и материальных источников неизвестно, сколько времени просуществовал храм на Гипполаевом мысу после V в. до н. э.

Как показывают археологические находки, в Северном Причерноморье празднества Кибелы приобрели наибольшую популярность в эпоху эллинизма. В Пантикапее святилище Кибелы примыкало непосредственно к вершине Акрополя¹. Вероятно, какие-то обряды во время мистерий проходили в расположенной под скалой пещере. Праздники Матери богов существовали и в небольших боспорских городах: посвящения богине в главном святилище Китея известны с рубежа V–IV вв. до н. э.²

В эллинистический период на праздниках Кибелы появляется ее возлюбленный Аттис, божество восточного происхождения. В связи с этим следует напомнить, что в конце IV в. до н. э. наследники Александра Македонского Птолемей и Лисимах провели в своих царствах религиозные реформы с целью объединения эллинских и местных верований. Исполнителем желаний этих правителей стал Тимофей, один из элевсинских жрецов (Тас. Hist. IV, 83). Для Птолемея он эллинизировал египетскую религию Исиды, а для Лисимаха ввел Аттиса в издавна при-

¹ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 160.

² *Молев Е.А., Молева Н.В.* Терракотовые статуэтки из Китейского святилища // Боспорские исследования. Вып. 3. Симферополь, 2003. С. 253.

вившийся во многих греческих полисах культ фригийской Матери богов¹. Нововведение Тимофея вскоре распространилось из Малой Азии в Северное Причерноморье. Праздники с поклонением Аттису появились в Ольвии и на Боспоре уже в III в. до н. э., ибо к тому времени относятся древнейшие терракотовые статуэтки этого божества. Играющий на сиринге фригийский пастух обычно одет в восточный костюм с длинными штанами, а на голове у него характерная остроконечная фригийская шапка (рис. 37)². Сиринга стала характерным атрибутом Аттиса-пастуха, и, вероятно, ее мелодии сопровождали ту часть праздника Кибелы, когда появлялся возлюбленный богини.

Непосвященные в мистерии мало знали об Аттисе. Павсаний (VII, 17, 9–12) после посещения храма Кибелы и Аттиса в городе Диме на Пелопоннесе писал, что ничего не смог о нем узнать, «так как это считается священной тайной». Свою любознательность Павсаний удовлетворил, разыскав утраченную теперь элегию поэта Гермисианакта и услышав где-то народное предание об Аттисе. Записанные античным автором рассказы сильно отличаются один от другого. Это указывает на существование многих вариантов, и нам не известно, какой из них представляли на празднествах Кибелы в Северном Причерноморье.

В празднествах Кибелы принимали участие мужчины и женщины. Последние пели погребальные песни, когда изображали смерть Аттиса; возможно, их пение сопровождало также символическую смерть посвящаемых³. Некоторые женщины исполняли роль жриц, а другие шли в процессии к алтарю и доводили себя до иступления. Две надписи III в. до н. э. дают сведения о таких жрицах в Ольвии и в Пантикапее. Ольвиополит Сократид поставил статую своей жене, бывшей жрицей Кибелы, а в Пантикапее Гестиея, жрица Матери Фригийской, посвятила богине статую (IRE I². 192; КБН. 21). Пантикапейская надпись того же времени свидетельствует, что во время праздников Кибелы наряду со жрицами ей служили и мужчины-жрецы (КБН. 23). На Боспоре мистерии Кибелы продолжали справлять и в римское время. Найденная близ Фанагории надпись содержала устав мистерий. К сожалению, текст сохранился с большими лакунами, поэтому с трудом поддается связному толкованию (КБН. 1005).

Мистические культы других божеств восточного происхождения начали проникать в Северное Причерноморье в эпоху эллинизма, но осо-

¹ Зелинский Ф.Ф. Указ. соч. С. 39–40.

² Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1978. С. 14, 38; Русяева А.С. Земледельческие культы ... С. 108.

³ Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995. С. 64.

бенно они распространились в римский период, выходящий за рамки нашего исследования. Вероятно, на северных берегах Понта так же, как в Афинах, к первым немногочисленным поклонникам восточных мистических божеств первоначально относились с подозрением и насмешкой. В комедиях Аристофана устраивался суд над Сабазием и другими иноземными божествами, после чего их изгоняли из гражданской общины (Сic. De leg. II, 37). Демосфен в речи «О венке», чтобы унижить своего оппонента, оратора Эсхина, упомянул о его матери, жрице какого-то восточного культа, и о том, что сам оратор активно участвовал в обрядах посвящения и других ритуалах. В связи с этим Демосфен саркастически описал празднества приверженцев восточных богов Сабазия, Аттиса и других (Dem. XVIII, 259–260). Днем они появлялись на афинских улицах в венках из укропа или белого тополя, танцевали, держа в руках змей¹, и сопровождали свои шествия восклицаниями, прославляющими почитаемых богов. Ночью мисты принимали в свои ряды посвященных, производя обряды очищения, во время которых адепта раздевали догола и обтирали грязью и отрубями.

Праздники Сабазия справляли в Херсонесе и на Боспоре. Самое раннее свидетельство об этом обнаружено на хоре Херсонеса в святилище поселения Панское I. На чернолаковом килике рубежа IV–III вв. до н. э. прочерчена надпись $\dot{\iota}\epsilon\rho\acute{\alpha}\ \Sigma\alpha\beta\acute{\alpha}\zeta\iota\omicron\nu$ ². Надпись можно понять и как «(килик), посвященный Сабазию», и как «священный (килик) Сабазия»³. Жители поселения в конце IV–III вв. до н. э. устраивали праздники Сабазия, образ которого слился с греческим Дионисом, приобретая восточные черты почитания этого бога. Вместе с Дионисом-Сабазием здесь поклонялись Деметре, и сельский праздник в их честь посвящался покровителям урожая пшеницы и винограда, главных сельскохозяйственных культур на хоре Херсонеса. Обоих богов роднило также и то, что в их культ, как уже говорилось, включались мистерии.

В эллинистический период праздники Диониса-Сабазия справляли и в других херсонесских сельских поселениях, а также в самом городе, о чем свидетельствуют находки мраморных скульптур и терракот с изображением этого бога⁴. Подобные праздники проходили также на

¹ Феофраст в «Характерах» (гл. 16) называет такую змею пареем и отмечает ее заметную роль в культе Сабазия.

² Щеглов А.Н. К изучению культа Сабазия в Херсонесе: состояние изученности, источники, интерпретация, реконструкция // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Севастополь, 2001. С. 55.

³ Ср. подобное посвящение Гермесу на килике IV в. до н. э. в кн.: Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. № 957.

⁴ Щеглов А.Н. Указ. соч. С. 56–57.

Боспоре. На это указывает терракотовая статуэтка III–II вв. до н. э. из Фанагории; она изображает Диониса – Сабазия и сделана из местной глины, что говорит о спросе боспорян на подобные изделия¹. Некоторые моменты мистерий Сабазия отразились в росписях боспорских склепов первых веков нашей эры².

Итак, археологические находки убедительно свидетельствуют, что в античных городах Северного Причерноморья существовали разнообразные мистерии. Наибольшее количество памятников относится к мистериям Деметры, Коры, Кибелы и Самофракийских божеств. Жрецы и жрицы, возглавлявшие эти празднества, нередко сами участвовали в мистериях, проводившихся в Элладе, и могли на родине повторять священные ритуалы. В погребении такой жрицы найдена пелика с самым подробным изображением элевсинских таинств.

Таким образом, начиная с рубежа V–IV вв. до н. э., в течение многих столетий среди жителей Северного Причерноморья находились те, кто входил в круг живших во всех частях греческой ойкумены эллинов, общенных к самым знаменитым в античном мире мистериям. По свидетельству греческих и римских авторов, Элевсинские мистерии имели высокое нравственное влияние, и оно должно было ощущаться в северопонтийских городах.

Во время Элевсинских мистерий уже в эллинистический период греки попытались разрушить барьеры между отдельными государствами и впервые осознали человечество как великое братство³. На некоторые мистерии впервые стали допускаться люди независимо от пола, происхождения и социального статуса. Им говорилось, что любой человек, ведущий праведную жизнь и почитающий Бога, может надеяться на счастье в потустороннем мире. Все это подготавливало восприятие христианства, которое с IV в. н. э. стало завоевывать значительное количество adeptов в Северном Причерноморье.

¹ *Ельницкий А.А.* Из истории эллинских культов в Причерноморье // *СА.* 1945. № 8. С. 97; *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 88.

² АДЖ. С.412–416, 433–434, 438; *Гайдукевич В.Ф.* Указ соч. С. 470–474.

³ *Нильссон М.* Указ. соч. С. 80.